

 НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Андрей КРУЗ
Мария КРУЗ

НА ПОРОГЕ ТЬМЫ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К84

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

Круз, Андрей.
К84 На пороге тьмы / Андрей Круз, Мария Круз. — Москва : Эксмо, 2022. — 512 с.

ISBN 978-5-04-158158-9

Мир за закрытой дверью или по ту сторону зеркала не всегда сказочный и прекрасный. Владимир Бирюков убедился в этом на собственном опыте. Теперь ему придется узнать, какой ценой дается выживание, взаимодействие и помощь в мире Тьмы, жестоком, потерявшем человечность. Сила расставит все по местам.

Первая книга цикла «На пороге тьмы» от мастера боевой фантастики.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-158158-9

© Круз А., Круз М., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ АВТОРОВ

В данной книге пистолеты-пулеметы называются автоматами — так, как это делалось до появления автомата Калашникова в нашей стране. Сочетание «пистолет-пулемет» авторы считают слишком неуклюжим и по сути своей нелепым для употребления в литературном тексте. Поэтому слово к ревнителям правильности терминов: в данном случае ваша ревность неуместна.

Также многие детали описываемых машин, механизмов и образцов оружия отличаются от привычных. Это сделано умышленно, для того чтобы подчеркнуть «альтернативность» изображаемой действительности.

— Ну сходи посмотри, что там с генератором... Что же ты такой ленивый? — сказала она, обернувшись от плиты. — Вторую неделю тебя загнать не могу, а если опять свет отрубят?

— Я не ленивый, я — выходной, — запротестовал я. — И к тому же поесть хотел. Поем — и потом сразу же посмотрю.

С этими словами я быстро пересек кухню, открыл дверцу холодильника и с преувеличенным вниманием уставился в его белое нутро, уставленное едой, словно размышляя над тем, чем бы себя покормить, чтобы прямо на месте не умереть с голоду.

— Закрой, — сказала она, вздохнув. — Я котлеты жарю, вернешься — и сядем за стол. А если ты сейчас поешь, то потом заявишь, что после еды отдыхать надо, потом уже темно будет...

— Чего темно-то? — немного возмутился я. — Времени всего два часа.

Я даже по циферблату часов пальцем постучал, доказывая правдивость своих слов.

— Это сейчас два часа, а когда ты поешь и отдохнешь, уже спать пора будет, — ответила она таким тоном, словно и вправду какую-то истину знала. — И в баню хочу зайти.

Это крыть было нечем, удар ниже пояса. Мне совершенно не хотелось идти на улицу, на ветер и мелкий, моросящий дождик, лезть в сарайчик и копать там с

генератором, присев на корточки или согнувшись в три погибели. Но вообще-то сделать это было нужно — в последнее время несколько раз в нашем поселке отключался свет, причем всегда удивительно не вовремя. Этой весной, в пик паводка, вода норовила залить подвал, а заодно отключился свет. И что хуже всего — не включился генератор, питавший аварийный погружной насос в прямке, который должен был спасти дом от затопления. И нас дома не было: ездили к ее родителям в Петербург. Как результат — все двери в подвале разбухли, хоть под замену их, а заодно ножки столов, промокли громкоговорители в домашнем кинотеатре — в общем, убытку случилось выше башки.

Это все издержки переезда за город вообще-то, но с генератором по-любому нужно разобраться. А то он то включится, то не включится — не годится. И в баню я не против, хотя это вовсе и не баня, а электрическая сауна. Но зайти туда, особенно в такую погоду, все равно хорошо.

— Сходи, сходи, хотя бы разберись. Сам справишься или вызывать кого-то надо? — подбодрила она меня.

— Хорошо, схожу, — обреченно сказал я и, вздохнув подчеркнуто тяжело, поплелся к выходу.

Без году неделя живем вместе, а уже командует. Мало мне было одного брака — так во второй лезу. Но одному хуже. Да и она на самом деле вовсе не злодейка, а очень даже... во всех отношениях... особенно при закрытых дверях... баня, опять же...

На улицу действительно не хотелось: дождь с ветром шел уже третий день, было мерзко и холодно. Осень, фиг ли. Решив не мелочиться, я вытащил из ящика для обуви зеленые резиновые сапоги, которые сам именовал ресапами, разбудив при этом дремавшего на ящике кота, потянувшегося и покинувшего доселе спокойное место, натянул их на толстый носок. Не хрен промокать. Свитер, на свитер дождевик с капюшоном — так оно поуютней будет, типа «я в домике».

Ладно, надо идти. Спустился ниже, в цокольный, к двери в гараж. Надо инструменты взять — может, и сам справлюсь. Хоть и не великий специалист, но мелкий ремонт учинить вполне способен и разобраться на уровне «есть контакт — нет контакта».

Подумав недолго, собрал с висящего на стене стенда пару отверток, маленький разводной ключ и плоскогубцы, потом прихватил рабочие перчатки, выудив их из металлического ящика верстака. Достаточно, если что еще понадобится — зайду сюда еще разок.

Протиснулся между двумя машинами, заполнившими гараж запахами резины и бензина, нащупал в кармане большой пластиковый брелок с большой кнопкой. Легкое алюминиевое полотно ворот поползло кверху, подтягиваемое тросиком, на пол упал прямоугольник серого света с улицы. Елки-моталки, почему климат у нас не французский, а вот эдакий?

Дождик брызнул в лицо, с шуршанием ударил по дождевику, попытался сдернуть с головы капюшон, затрепыхал лапами плаща. Мерз-з-зко. К морю бы, в тепло, на солнце. На Коста-дель-Соль, например.

Сарайчик с генератором пристроился позади дома, рядом с дровяным навесом. Понимаю, что с точки зрения эстетики не идеал, но все же решил этот самый дэрчик в подвале дома, в топочной, не размещать. И запах от него солярный, и дым в перспективе. Мы тогда даже чуть поцапались — ей эстетика важнее, но мне все же удалось настоять, пугая пожарной безопасностью. На предмет самовозгорания, так сказать.

Над головой приоткрылось окно, за стеклом показалось ее лицо.

— На обратном пути дров прихвати, ага? Камин хочется затопить.

— Без проблем.

Камин мы с весны до осени обычно не трогали, но сейчас и вправду охота по такой погоде. Пора, сезон на-

ступил. И сесть рядом с книжечкой и коньячком. После бани. А что?

Навесной замок на сварной металлической будке открылся легко, а вот створка двери — с усилием: ветер так и норовил ее закрыть. Я накинул на ручку петлю из толстой проволоки, закрепленную на столбике деревянного навеса: света внутри не было, весь расчет на естественное освещение и маленький фонарик в кармане. Из сарайчика пахло солярной вонью, лишний раз подтвердив, что я все правильно сделал, настояв на отселении дэрчика. Небольшой агрегат на металлических полозьях солидно занимал центр крошечного помещения, от него тянулся кабель к стене, к белой пластиковой коробке.

Ветер бросил мне в спину через дверь вихрь мелких капель, заставив поежиться. Обойдя генератор по кругу, я присел за ним, разложив на бетонном полу принесенные инструменты.

— Так, и чего дальше? — спросил я сам себя.

Словно в ответ на мои слова порыв ветра с грохотом захлопнул дверь, погрузив меня в абсолютную, полную темноту, не нарушаемую ни единым лучиком света. От неожиданности я дернулся, попытался встать и приложился затылком о низкий потолок, да еще не о гладкий стальной лист, а о грань уголка.

— Блин, петлю сорвало, — пробормотал я, почесав ушибленный затылок.

Откуда-то сильно потянуло холодом, словно рядом открылась дверца холодильника, по спине пробежала волна озноба, затем все словно онемело — и лицо, и руки. Сильно закружилась голова, я даже вынужден был опереться на генератор, чтобы не упасть. Ощущение было такое, как если долго сидишь на корточках, а потом резко вскакиваешь и чувствуешь, что вот-вот свалишься в обморок. Заодно откуда-то вместе с холодом накатила волна страха. Самого настоящего детского страха, той самой боязни темноты, о какой я за многие годы даже

забыть успел. Показалось, что кто-то стоит прямо у меня за спиной и дышит в затылок, явно замышляя недоброе.

Не удержавшись, я рванулся в сторону, наподдав ногой по рассыпанному по полу инструменту, со звоном разлетевшемуся, суетливо сунул руку в карман, нащупав тонкий цилиндрик светодиодного фонарика, и, выхватив его рывком, как пистолет, включил. Темнота шарханулась от его яркого луча, а вместе с нею разлетелся и страх. Чего это я, действительно?

Потер лицо, возвращая чувствительность коже, зябко передернул плечами. Ну темнота, ну неожиданно, хрен ли я затрепыхался? Не мальчик ведь, всякого повидал. Хотел присесть, но потом сообразил, что света от фонарика все же мало — надо бы дверь открыть и закрепить по-человечески, чтобы ветром не срывало.

Дверь открылась легко. За нею вместо аккуратного, хоть и требующего стрижки газона оказалась высокая, мне почти по пояс, мокрая трава, слегка качающаяся на ветру. Вместо деревьев, декоративных туй, выстроившихся в ряд возле оштукатуренного забора, я увидел заросли осинника, а в них какую-то старую развалину с выбитыми окнами, провалившейся крышей, через которую проросло дерево.

— Это че это? — спросил я вслух, после чего кратко выразился нецензурно.

Никто не ответил. Я выбрался из сарайчика, огляделся. Вместо поленицы была груда валежника. Дома не было. То есть вообще не было! Росла здоровенная кривая береза, возле нее — остаток заваленной набок стены из красного кирпича. У меня в доме не было красного кирпича, были только бетон и пеноблоки с утеплителем.

— Ну и чего? — повторил я вопрос в немного иной интерпретации, ощущая, как сумасшествие плавно подкрадывается ко мне, готовое слиться в экстазе с моим постепенно срывающимся с направляющих мозгом.

Страх почему-то не было. Имелось эдакое ощущение, что вроде кто-то глупо подшутил надо мной, — знать бы кто. Знать и еще понять, как из этой шутки вы-

браться. Потом найти шутника и... нужное подставить. В меру своей фантазии.

— А дальше-то чего? — продлил я список идиотских вопросов.

Никто не ответил, естественно. Лишь большая серая ворона, усевшаяся на кирпичную развалину, каркнула, словно издеваясь. Я нагнулся за камнем, и она, как и подобает этой подлой породе птиц, не стала дожидаться броска, а сорвалась с места, захлопав крыльями, и полетела. Камень я все же бросил. Он описал бесполезную дугу и с глухим тихим стуком исчез в зарослях.

Не было ни дома, ни поселка. Ни даже дороги к поселку — только какая-то заросшая и заброшенная просека. Был дождь, был лес, абсолютно незнакомый, был запах леса. Не было никаких примет густо застроенного коттеджами пригорода Москвы, да и примет наличия самой Москвы поблизости тоже не имелось. То есть вообще ничего не было. Был сарайчик с генератором, был сам генератор. Сарай изменился — еще несколько минут назад сверкавший мокрой под дождем свежей зеленой краской, теперь он был ржавый, словно его забросили много лет назад в полном небрежении. Никакой проволочной петли тоже не видно.

Это снаружи. А вот внутри — наоборот. Все осталось таким, каким и было: чистый пол, новенький японский генератор, сверкающие инструменты с пластиковыми черно-желтыми рукоятками, рассыпанные по полу. Фонарик в руке.

Не стану скрывать, какие-то идеи по поводу произошедшего у меня мелькнули. Я даже закрылся в сарае с генератором и честно ждал новой морозной волны — в надежде, что она вернет все на место, — кому-то молясь о том, чтобы не сойти с ума окончательно, ругаясь и идиотски хихикая. Но ничего не произошло. Вокруг меня была самая обычная темнота, которая снова спряталась сначала от луча фонарика, а затем была окончательно добита серым светом снаружи, когда я вновь распахнул дверь.

— Не сработало, — громко объявил я неизвестно кому, разочарованный результатом эксперимента.

Я полагал, наверное, что скотина-шутник сидит где-то рядом и наслаждается происходящим, злорадно ухмыляясь. Даже не удержался и сказал вслух:

— Узнаю, чья работа, — порву на английский флаг.

Никто не испугался, да и не ответил мне. Даже ворон больше не было. Вообще ничего не было — только лес и какая-то развалина. И все. И еще я.

— И чего теперь делать?

Так и не понял, то ли я вслух это спросил, то ли мой внутренний голос поинтересовался у меня самого. Поэтому ответил уже вслух — не знаю, себе или внутреннему голосу:

— А хрен его знает.

И сел на мокрый кирпич заваленного куска стены. Идей не было. Можно было остаться здесь в надежде, что все разрешится само собой и я как-то попаду туда, откуда вывалился, или куда-нибудь идти. Куда? Да вот по просеке, например. Кто-то же ее прокладывал, так что куда-то она должна вести.

Курил бы — точно закурил. Я даже представил себя здесь задумчиво дымящим сигаретой. Но курить бросил давно, лет десять тому назад, так что картина была неактуальной.

Затем пришла мысль следующая: что она подумает? Я ведь здесь оказался не один, а вместе с сараем и генератором. То есть она в очередной раз выглянет в окно, чтобы, например, напомнить про дрова, — и что? Ни сарая, ни мужика в сарае? И что она все же подумает?

Ой, мама дорогая, что же это будет? Меня аж в дрожь бросило, когда я окончательно осознал, что не имею ни малейшего представления, куда нас с сараем занесло и чем это все закончится.

Затем пришла вторая мысль: надо отсюда валить. Искать людей. Людей с телефоном, которые скажут, где я нахожусь, дадут позвонить бесплатно, и тогда я позвоню

и попрошу выслать денег. На билет или на такси, если я не очень далеко. И скажу, что с ума не сошел, и она не сошла, а как приеду, так все и объясню. И был не у любовницы. Впрочем, на такси можно и не высылать — возле дома расплачусь. А сидеть здесь непродуктивно. Это как минимум, потому что вероятность встретить здесь людей так себе. Маленькая она, вероятность эта самая.

— Пойду, — сказал я неизвестно кому, поднимаясь на ноги.

На всякий случай собрал отвертки с пола — не бросать же добротный германский инструмент, — рассовал по карманам. И пошел. Продрался через кусты, обрушивая водопады капель с веток, выбрался на просеку. Очень похвалил себя за то, что обулся в ресапы, а заодно и дождевик накинул. Со мной такое редко случается, максимум, на что способен, — это добежать по двору бегом в чем был, но вот сегодня так не хотелось на мокрень и холод, что я этим одеванием время оттягивал.

Налево или направо? Собственно говоря, никакой разницы я не видел, но справа небо было яснее и светлее, а слева — совсем темное, как свинец, и висело низко-низко. Отчего вероятность вымокнуть была куда выше, если немного подумать. Я и подумал. И пошел направо.

Грязи не было, лесная почва — песчаная, да и просека травой заросла. Ее мокрые стебли хлестали по сапогам и полам дождевика, липли к ним, но идти было легко. Даже ветер был в спину, и дождь на лицо не попадал.

Затем я понемногу начал про себя напевать «Прощание славянки», стараясь идти в ногу с ритмом марша, и постепенно втянулся. Шагал широко, размеренно, время от времени задавая себе счет. Старался еще и дышать в такт шагам — вроде как спортивная ходьба. И успокаивает. И помогает поменьше думать, потому что думать плодотворно не получается. Фактов у меня мало, понимаете. Есть всего один, зато размером с весь этот мир: я оказался непонятно где. И непонятно как. Я живой, судя по внешним признакам, я здоров, со мной ничего

не случилось, но я ничего не понимаю. И если начинаю анализировать ситуацию, то прихожу к простому выводу, что анализировать нечего. И вообще невозможно. Поэтому — раз, раз, раз-два-три, шире шаг! Р-раз, р-раз, раз-два-три!

«На месте! Стой!» — так я скомандовал себе, когда отмахал не меньше пяти километров, если верить наручным часам, знанию средней скорости пешего марша и исходить из того, что я и вправду шел, а не лежал в коме где-нибудь в Скиффе, куда меня привезли... после удара током, например. Я же как раз к кабелям лезть собирался. Полез, например, а оно меня и... стукнуло, в общем. Ударило.

Остановился же я потому, что просека вывела на дорогу. Дорога — сказано сильно в данном случае, это было скорее «направлением», разбитым проселком, не знакомым с таким явлением, как асфальтовое покрытие, но зато явно не чуравшимся автомобильных колес. И вывод такой я сделал из того, что следы покрышек, отпечатанные на мокрой земле, спутать с чем-то очень сложно. Разве лишь предположить, что проползла змея с протектором. Прокатилась.

— Это радует... — пробормотал я, присаживаясь на корточки и разглядывая след. — И куда же ты проехал? И откуда? В смысле идти-то мне куда?

Понять по следам, куда ехала неизвестная машина, понять не удалось, следопыт из меня так себе. Хреновый следопыт, чего уж скрывать. Единственное, что этому следопыту удалось установить, — что машина здесь проехала не одна, были и другие следы, просто уже расплывшиеся.

— Тогда опять направо, — сказал я сам себе, — потому что «не ходи налево».

Обосновал вроде как. Объяснил. Да и небо, опять же, было справа посветлее, отчего внутренний голос советовал туда и идти. Поскольку других советчиков у меня не было, послушался этого самого внутреннего голоса.

Раз, раз, раз-два-три, раз, раз, раз-два-три... Идти даже легче стало, под ногами по-прежнему почти чистый песок, так еще и трава расступилась. Наезженное место — видать, катаются тут колхозники какие-то. Откуда и куда еще может вести проселок?

Прошел еще километров десять, устал. Все же отвык я от таких марш-бросков, давно не ходил подолгу. Спортзалом вроде не манкировал, ворочал железки всякие и мешок колотил, но вот ногами далеко ходить отвык, да еще и в ресапах. Хорошо, что носки толстые, — была ведь идея просто так сапоги натянуть да и выбежать. Теперь бы все в кровь уже стер, маялся бы и страдал.

Хотелось устроить себе привал, но окружающая действительность мало к тому располагала, потому что все промокло, как губка в тазу с водой. Справа — поле, травой заросшее, слева — лес, хвойный, ветки высоко, под деревьями тоже от дождя не скроешься. Надо бы хоть какое-то укрытие найти, там и посидеть минут пятнадцать, отдохнуть. Хоть и в дождевике, но как-то...

Еще через километр, к ликованию своему, наткнулся на какой-то непонятный домик с выбитыми окнами, осыпающейся с серой деревянной дранки штукатуркой и остатками шифера на крыше. Вбежал в него, радостный, словно и вправду что-то хорошее случилось и я не известно где, а уже почти что дома. Но таков человек — умеет не только большому радоваться, но и малому. И я — не исключение.

В многочисленные дыры крыши лила вода, но нашлись, к удивлению моему, и сухие места. Доски пола кто-то явно упер, не сами развалились, но фундамент никуда не делся и при этом делил помещение пополам: наверное, в свое время в середине на него что-то опиралось, что бы это ни было. Кирпич был волглым и холодным, поросшим мхом у земли и по стыкам, но, несмотря на это, я все же на него уселся, вдыхая запах сырости и запустения. Хорошо. И еще ноги вытянуть — подошвы-то уже гореть начали. Изнежился. Помню, еще в армии,

как после полугода службы однажды постучал пяткой по деревянному полу казармы и удивился тому, что звук был словно каблуком потопал. Вот тогда у меня ничего не горело, не то что сейчас.

Пить хочется. Огляделся, выбрал из многочисленных струек, что лились с крыши, ту, что потолще, подставил ладони, собрав их в ковшик. Когда набралось на глоток, поднес ко рту.

Вода как вода, холодная такая, как этот самый дождь. Чистая. Пей — не хочу. Впрочем, я хотел. И не торопясь, набирая горсть за горстью, минут десятьпил холодную воду по глоточку. Ладно, от жажды не умру. Насчет голода не знаю, но голодным человек может долго прожить — это без воды ему никак, загнетса.

Ладно, что дальше тут яйца высиживать, надо идти. Но едва сделал первый шаг по дороге, как остановился словно вкопанный. Мотор. Автомобильный мотор.

Закрутил головой, пытаюсь понять, откуда звук идет, и главное — куда, не мимо ли? Не по какой-нибудь другой дороге едет машина? Нет, сюда, и меня догоняет. Странный какой-то звук, словно давно знакомый, но неправильный. Где я подобный слышал? Мелькнули в голове какие-то детские ассоциации, двор, машина, ежевечерне заезжавшая за мусором, — «ЗИЛ»-самосвал. Он останавливался у высокого помоста с металлическими поручнями, и мой отец стоял в очереди на этот помост вместе с соседями. Они поочередно туда поднимались и переворачивали ведра, из которых в кучу сыпались бумаги, объедки и всякая дрянь. А потом дворник туда же выворачивал мусорные бачки, которые стояли по подъездам, воняли и собирали бездомных кошек, а летом еще и мух в огромных количествах. Он составлял эти роняющие помои бачки на специальную тележку с бортиками и, упираясь, катил все к тому же самосвалу.

Нет, не так.. «ЗИЛ» посвистывал пневматикой тормозов и гудел двиглом как большой шмель, а этот звук был с подвывом — как будто постанывает мотор, жалуясь на

судьбу... Точно! Хлебный «газон», который разгрузался в булочной, что была напротив нашего дома. Мрачный мужик в грязноватом халате распахивал створку кузова с надписью «Хлеб» и начинал вынимать оттуда деревянные поддоны с буханками и батонами, взамен забирая из магазина пустые. А бабульки, сидевшие до того на скамеечках у подъездов, вперегонки стайками летели к магазину, чтобы ухватить горячего, прямо с хлебозавода.

Я в напряжении ждал, уставившись на поворот лесной дороги, всматриваясь до боли в глазах, боясь того, что мне это кажется и никакой машины на самом деле нет и не будет, а будет брошенная остановка, пустой мокрый лес и бесконечная дорога, ведущая в никуда. Но вскоре из-за поворота действительно появилась машина.

В общем, я ошибся. Похоже, что показавшийся из-за деревьев автомобиль не имел никакого отношения к Горьковскому автозаводу. Высокий, какой-то кургузый и неуклюжий с виду, со скошенной назад решеткой облицовки радиатора с оторванной эмблемой, он постанывал трансмиссией и громыхал высоким деревянным кузовом. Мне смутно вспомнилось, что где-то я подобную машину уже видел — чуть ли не в кадрах военной хроники времен Великой Отечественной, но мысль так и не оформилась ни во что конкретное. Тем более что окрашен грузовик был в непривычно сочетающиеся крупные серые и зеленые камуфляжные пятна.

Ладно, черт с ним, подумалось мне, и я, шагнув вперед, поднял руку, призывая шофера остановиться и оставаясь при этом в глубине души уверенным, что машина проедет дальше. Как-то очень уж странно выглядело это все, и мне показалось, что шофер должен испытывать подобные же ощущения. И поэтому он плюнет на всякую благотворительность и рванет от меня как можно быстрее, чтобы не связываться со странным и непонятным.

Ошибся. Скрипнув тормозами и обдав меня запахом нагретой резины, грузовик проехал чуть дальше, но все же остановился. Я пошел следом, и... и как в стену уперся.

Водитель, среднего роста молодой, годам к тридцати, мужик с узким лицом и курносый носом, выбрался на высокую подножку и смотрел на меня. Но не только смотрел, но и... уставил на меня ствол довольно серьезно выглядящего пистолета-пулемета, кажется, даже самого настоящего ПППШ. Или ППС, что-то я не понял.

— Тебе куда? — спросил он таким тоном, словно все в порядке и я не стою с перекошенной рожей, испуганный и обалдевший.

— Ну... — совсем растерялся я. — Куда-нибудь к людям...

— Ага, — удовлетворенно кивнул тот. — Ближе подойди тогда.

Ствол оружия показал примерно куда. Туда я и пошел, не имея никакого желания спорить. Посмотрел на него внимательней, мимолетно удивился какому-то антикварному или даже сценическому наряду. Яловые сапоги памятного со срочной службы фасона, бриджи хэбэ, шоферская кожаная куртка поверх свитера, на голове маленькая фуражка вроде военной, но без кокарды. Старая такая, подобные еще в Гражданскую носили. Он ее на затылок сбил, так что темные волосы на лоб падали. Странный вид, очень странный. Под стать машине и оружию.

— Еще потерянец, — удовлетворенно сказал парень и вдруг посветил мне в глаза фонариком, который все время держал в руке.

Я поморщился, хотел отвернуться, но он крикнул:

— На свет смотри! Стрелять буду!

Пришлось смотреть — стрельбы, особенно по мне, не хотелось. Секунд через десять он кивнул, убрал фонарик, к удивлению моему, оказавшийся со шнуром, тянущимся куда-то в кабину, вроде обычной автомобильной аварийной переноски, затем спросил:

— К людям, говоришь?

— Вроде того, — кивнул я.

— А ты знаешь, куда именно? — спросил он с какой-то странной интонацией.

— Не-а... — покачал я головой. — Чего не знаю, того не знаю.

К моему изумлению, он удивленным таким ответом не выглядел, лишь усмехнулся и сказал:

— Так и думал. Садись в кабину.

И, опустив оружие, сам уселся за руль.

Меня второй раз приглашать не пришлось. Не задавая больше вопросов, хотя крутилось их в черепной коробке как мух в уборной, я обежал машину и полез на высокую подножку. Плюхнулся на твердое и неудобное сиденье с прямой спинкой, огляделся. Более чем спартанский интерьер с простенькими приборами на крашенной серым металлической приборной панели, здоровенный черный эбонитовый, или из чего их там делали, руль. Я такие сам с детства помню.

— К людям так к людям, — сказал шофер, подвешивая пистолет-пулемет к потолку, где у него специальное крепление было, причем явно не самодельное: машина и впрямь выглядела как военная. — Мне тоже как раз к этим самым людям и надо. Полное у нас с тобой единодушие наблюдается. Меня Федором зовут, кстати. Можно Федей звать. Можно Федькой. Даже Теодором можно, если охота.

— Владимир. Володя, — представился и я, пожав протянутую мне перемазанную машинным маслом руку.

— Рассказывай, Володя, как ты к нам попал, — заявил Федя, с лязгом врубая первую передачу длинным изогнутым рычагом с шарообразным набалдашником. — Развлеки рассказом, а то уже три часа один еду.

— К вам — это куда? — осторожно переспросил я.

— Да вот сюда, в лес этот, — ткнул он пальцем за окно. — Да ты не щемись, за психа тебя никто не примет, тут все такие, как ты. Или у всех такой же попадос, как и у тебя, случился, или мы все бредим хором. У меня вот три года назад с лихвой на работе в подсобке свет погас, а как вышел из нее — так оказался в развалинах каких-то, которые впервые в жизни увидал. А ты?

— Генератор во дворе полез чинить, ветер дверь хлопнул в сарай, — коротко обрисовал я положение, поняв, что лучше выкладывать все как было.

— Генератор? — не удивился, но чуть насторожился он.

— Ну да, а что?

— Его сюда тоже занесло? — вкрадчиво уточнил он.

— Ну... ага. Мы с ним на пару, так сказать.

— Повезло тебе, — решительно сказал шофер и вроде как даже задумался слегка. — Скатайся потом, забери. Их в городе ценят, берут дорого, зарабатываешь хорошо. Хотя властям продашь, хоть на базаре — без разницы. Если хочешь, сгоняем вместе, у меня вот машина своя. Ну и поделишься немного прибылями.

Он похлопал ладонью по баранке рулевого колеса.

— Там еще есть что, кроме генератора? — затем опять поинтересовался он.

— Не-а, в сарайчике только он стоял, — обломал я его в надеждах.

— Жаль, — вздохнул он. — Но тоже нормально. Ты досюда долго шел?

— Километров пятнадцать, — ответил я, прикинув.

— Вообще без проблем, за пару часов обернемся, — заключил он. — У нас ведь как — что с тобой провалилось, то твое безраздельно. Святая традиция. Я вот со шкафом провалился. А в нем была старая бухгалтерская отчетность предприятия. Прикинь, какая ценность. Только на растопку.

Я кивнул сочувственно и задал наиболее, на мой взгляд, важный вопрос:

— Федя, а где я?

— Под Углегорском, — ответил он, ухмыльнувшись как-то ехидно.

— Это в какой области?

— В Углегорской, — еще шире и еще более издевательски ослабился он.

— Гонишь? — спокойно поинтересовался я.

— Сейчас указатель будет, на въезде в город. Читать умеешь? Вот и читай.

Я ему поверил. Больно он радостный был — так бывает, когда кто-то правду знает, а кто-то дурак дураком, вроде меня сейчас. И собеседник заранее предвкушает, как ты «отправишься за ведром компрессии».

— Федь, скажи по-человечески, — попросил я, решив не выставлять себя дураком дальше.

— Если по-человечески, то не знаю, — вздохнул он. — Думаю, что никто толком не знает. Может, и на том свете даже, вполне допускаю. Мы это место Отстойником называем.

— Это почему? — опешил я.

— Ну так в двух словах и не опишешь. В общем, где еще может быть земля без людей? А тут ни единой живой души. В смысле из проживающих здесь всегда — только такие, как мы с тобой, провалившиеся.

— Не понял... а город откуда? — спросил я.

— А хрен его маму знает, — ответил Федя, вздохнув. — Тут все на месте — города, деревни, заводы, что угодно. А вот людей нет.

— Я ворон видел.

— Зверье есть. Даже медведей хватает с волками. И еще кое-кто есть. А людей нет, — ответил он.

— А куда они делись? — вконец озадачился я. — Вымерли?

— Вымерли бы — хоть кости бы остались. Нет — и все. Словно съехали неожиданно, все побросав где было. Причем давно. Ты из какого года сюда? Из двухтысячного попал?

— Ну да... — окончательно растерялся я. — А ты?

— А мы все из двухтысячного. Кто сегодня попал, кто вчера, кто десять лет назад — а все из двухтысячного. Впрочем, кого-то, кто попал раньше, чем за десять лет, я не встречал. Видать, недавно Отстойник открылся для посещения.

— Погодь, погодь, — прервал я поток непонятого гонева. — А вас тут много?

— Ну... в Углегорске тысяч уже семнадцать-восемнадцать, наверное. И в других городах живут. В окрестностях. На область тысяч пятьдесят наберется, я думаю.

— И все из двухтысячного? — уточнил я.

— Точно, — кивнул он. — Только дни разные. В какой день ты сюда попал, в такой и оттуда провалился. Сегодня двенадцатое октября там было?

Он ткнул перемазанным в масле указательным пальцем в потолок машины, словно подразумевая, что я свалился сюда с небес.

— Двенадцатое, — осторожно подтвердил я. — Октября.

— А я сюда три года назад попал, четырнадцатого ноября. Двухтысячного.

— Не наступило же еще... — растерялся я.

— Это у тебя не наступило, — опять ухмыльнулся он. — А у меня еще как наступило, три года назад.

— Погоди, погоди, — попробовал я зайти с другой стороны. — Ты что, хочешь сказать, что в двухтысячном в стране тысячи людей пропали? Десятки тысяч? И никто не чухнулся?

— Не, не так, — покачал он головой. — Все было не так.

— А как?

— Пропадает людей немного. А вот вариантов действительности, из которых они пропадают, бесконечное количество.

— И...

— И все они, кто провалился в двухтысячном, сыплются сюда. Как в помойку. Он так и говорит, что мы в помойке времен и миров. Поэтому и Отстойником назвали вроде как.

— А тут же жил кто-то? Они-то где? — чуть не закричал я, чувствуя, как извилины начали заплетаться веночком вокруг мозга.

— А вот этого не понял никто, — сказал он. — Тут по календарям, машинам, станкам и прочему — сорок восьмой год. Одна тыща девятьсот сорок восьмой. А если смотреть по тому, насколько все это состарилось, то получается, как понимающие люди говорят, что оно все без присмотра было лет пять-семь, не больше. А то и меньше.

— Понятно, — кивнул я и добавил: — Хотя ни фига не понятно.

— Мне оно тоже так, — проявил солидарность Федя. — Хоть я уже три года здесь. Почти: четырнадцатого ноября как раз три будет.

Федя замолчал, а я задумался так, что дальше некуда. Нет, с теорией множественности миров у меня проблем нет, я в любую теорию поверю, если она получит зрительное подтверждение — вроде как то, что сейчас получила. Вот как я в одном месте в сарай вошел, а в другом из него выбрался. Видел я такое раньше? Нет. А сейчас? Сейчас увидел. И даже поучаствовал, — чего же теперь не верить?

Правда, пока особой разницы с моим миром я не вижу: Федя ведь и гнать пургу может, развлекаться, импровизируя на ходу. Принял меня за бродячего психа, везет до психушки, а попутно прикалывается. Почему нет? Или просто за дурака принял: у меня морда так себе, вроде бандитской, что сразу за академика примут — никак не грозит. Хотя сейчас можно: сам открой академию — сам в ней и будь академиком. Без проблем, теперь таких много. Был завхозом на метизном заводе, уволили — стал академиком.

Хотя... кто на таких старых машинах просто так катается? Им место в музее, где с последнего экземпляра смотрители пылинки сдувать будут. И вот оружие, автомат этот, который пистолет-пулемет и который над головой висит. Я его сначала за ППШ принял, потом за ППС, да, видать, ошибся. Так вообще похож на ППШ — такой же штампованный дырчатый кожух на стволе, у дульного среза с наклоном, компенсатор это, чтобы не подбрасы-

вало, тут все нормально. А вот дерева и нет почти, если не упоминать странное небольшое цевьё под стволом и рукоятку управления огнем. Вместо деревянного приклада — откидной плечевой упор из гнutoго стального прутка — выглядит грубо, но прочно.

И не диск, а рожок, к тому же придвинут близко к рукоятке управления огнем. Сильно придвинут. А рукоятка управления огнем как раз смещена вперед, и стоят рядом друг с другом, совсем как в «калаше». Ствол длиннее получился — это хорошо, пожалуй. Или просто так выглядит.

Да и вообще, о чем это я? Кто в мое время будет с пистолетом-пулеметом открыто кататься и на первых встречах его направлять? Это же срок с ходу.

— Слушай, что это у тебя?

Федя поднял глаза к потолку, опять ухмыльнулся и сказал:

— Если верить тутошним наставлениям, то пистолет-пулемет конструкции Шпагина образца сорок третьего года. А я про такого Шпагина и не слышал.

— Ты чего? — удивился я. — Шпагин в Великую Отечественную своим автоматом прославился, как не знать можно?

— Видишь? Сие и означает, что мы с тобой из разных слоев. Про Великую Отечественную слышал. Здесь. И вот про Шпагина тоже уже здесь узнал. А у нас такого не было — ни Отечественной, ни Шпагина. Понял как? Англия с Германией воевали — и все.

— О-па...

— Ага, срослось одно с другим... Ничего, привыкнешь. Тут оно как бывает: вроде даже по слоям реальности земляки встретятся, из одного места, а потом раз — и что-то вылезает. И чаще всего получается, что все из разных.

— Во как... Машина трофейная, что ли?

— Ага, «Опель-блиц». Слышал про такой?

— Че-то слышал... вроде, — кивнул я.

— Хороший шарабан, мне нравится. Техника трофейная, но так и своя есть, и американская — те вроде как помощь сюда поставляли, много ее. Оружие ихнее попадает еще.

— Слушай, Федь, — решил я еще о важном спросить, — а куда везешь-то меня? Не, я понял, что в Угледорск, а там-то куда?

— В контору по распределению таких, как ты, — ответил он сразу. — Или как мы, потому что других здесь нет — есть только те, кто сюда раньше попал и кто позже. Выяснят, кто ты такой и как сюда попал, с работой помогут, с жильем на первое время. А дальше... дальше начинай жить здесь, как мы все.

Перехватив мой взгляд, он усмехнулся, махнул рукой и добавил:

— Да нормально, жить можно, это тебе не Аляска, где одна баба на сто старателей была, тут все в пропорции.

Я так понял, что Федя высказался о наиболее существенном, на его взгляд. А что, вопрос тоже важный. Но не порадовал. Нет, все понятно, но вот не порадовал.

— Федь, а обратно отсюда — никак? — с робкой надеждой уточнил я.

— Никак, Володя, — твердо ответил он и головой помотал. — Никто отсюда не уходил обратно. Да это еще полбеды, Отстойник этот самый не зря за тот свет полагают. И не за рай. Я что, по-твоему, автомат просто так с собой вожу?

— А... есть причина? Криминал? Хищники?

— Есть криминал, — согласился он. — И хищники тоже попадают. А теперь вон туда глянь.

Он показал рукой на темные, тяжелые тучи, висящие за лесом низко над землей, скорее даже, лежащие на земле и поднимающиеся от нее в невероятную высь. Жутковатое зрелище вообще-то, неприятное и непонятное, если честно. Не зря мне в ту сторону идти не хотелось.

— Буря там, что ли? — прищурился я, глядясь.

— Тьма там. Самая настоящая Тьма. В Отстойнике, как, опять же, знающие люди говорят, встретились Свет и Тьма. Близко. Столкнулись, можно сказать, и перепутались, отчего у нас тут сплошные проблемы, мать их в душу. Вот и живем так..

— Стой, стой, а фонариком ты что проверял? — вспомнил я первый момент нашего знакомства.

— Вот это и проверял. И ты знай: встретил незнакомого человека не в городе или просто не там, где надо, — попроси на яркий свет посмотреть. Хоть бумагу зажги и перед глазами подержи. Если с ним что-то не так или это вообще не человек, то у него глаза черными станут. Секунд за пять.

— В смысле — черными? — не понял я.

— В смысле — вообще черными, — решительно махнул рукой Федор. — Ни зрачка, ни радужки, ни белков, сплошная чернота. Или даже белок черный окажется, а радужка со зрачком белесая, как негатив. И зрачок вертикальный. Только того, тут уже осторожней, реакция может быть всякая, в основном...

— Какая?

— Да простая: прошляпил — ты покойник.

Я посмотрел на него с подозрением, прикидывая, насколько он серьезен, но ни к какому конкретному выводу не пришел. Было желание послать его куда подальше с такими шуточками, да только с фонарика он и начал общение. Почему так? Есть ведь причина, наверное? А может, это он псих, а вовсе не я? Тогда все логично получается. Все кругом психи, а я... д'Артаньян, например. Чем не вариант? Мне нравится.

В любом случае здесь все же что-то не так. Неправильно здесь, взять тучи те же самые. Никогда я не видел, а повидал всякого много, чтобы вот такие были, почти черные. И вообще, смотреть на них как-то... зябко. Не хорошо на них смотреть — а это тоже странно, потому как я совсем не мнительный, а вовсе даже толстокожий и малоэмоциональный чурбан.

Я так задумался, что, когда машина подскочила на очередной глубокой колдобине, какими был богат этот грязный проселок, даже приложился затылком о заднюю стенку кабины, на что водитель сказал:

— Не погни.

— Раньше машины были крепкие, — ответил я.

— Голову не погни — за машины я знаю.

Я постучал по металлической простенькой панели с овальным лючком бардачка и спросил:

— Так это «Опель», говоришь? Твоя или работаешь на ней?

— Моя, — гордо кивнул он. — Когда взял, пробега на ней мало было. И вообще, почти без проблем машина.

— Дорого обошлась? — поинтересовался я, но так — лишь бы хоть что-нибудь спросить.

— Почти что в собственную башку, — засмеялся он. — Купить машину у нас трудно, то есть вообще не продают. Надо самому добывать.

— В смысле? — не понял я.

— В простом, — взялся он объяснять. — Машин целых не так много осталось, времени-то прошло немало... ну местного времени в смысле, с того как тут... — Он зашелкал пальцами, подыскивая слово, и я ему помог:

— Я понял.

— Ага, ну вот. Да и вообще, не так их тут много было — я так понимаю, что тут больше на лошадаках катались. Ну и лишних вообще нет: если она целая, то могут просто на запчасти разобрать, а их на складе сложить. Так и делают в основном — чем потом-то чиниться? Если литье какое несложное или слесарка — сами сделают, а что посложнее — уже трудно. Поэтому начальство давится жабой и машины никому не дает. Нужна — найди сам.

— И ты сам добывал? — уточнил я.

— Ага. Нашел хорошее место, где они вроде как на консервации стоят, договорился на тягач да и вывез. Две вывез в общей сложности — одну городу отдал, они за целые платят хорошо, вторую себе оставил.

— А с башкой чего?

— Да вывез из одного места, а это на границе Тьмы, считай. Там всякое случается, да и светлого времени мало. Когда вторую тащил, чуть не накрылся. Но вот теперь катаюсь.

Он гордо похлопал по баранке, добавив:

— Везде лезет, везде тащит. Зверь-машина.

— Ты сам по себе работаешь? — задал я следующий вопрос.

— Не, я на должности в Горсвете, просто сутки через трое хожу — остается время еще и для себя подшуршать мальчика. Так, за чуток, на пиво и бензин. Сейчас вот с халтуры еду.

— А что делал?

— В Митино катался, лампочки выкручивал и провода снимал. Лучше бы еще за машиной сгонял, но это напарник нужен, а его нет. А так электрика всякая в дефиците, чуть не на вес золота. Производство не наладили, хоть и мечтают. Не хватает чего-то. У нас только бензин с соляркой тут производят.

Бензин, кстати, пахивал как-то странно, я еще в первый момент обратил внимание, когда машина близко подъехала, но значения не придавал — не до того было. А теперь заинтересовался, раз уж Федор сам тему поднял.

— А с бензином как?

— Дороговато, но есть, — ответил Федор.

— Откуда? Из запасов?

— Ты че? — удивился он. — Какие, в дупу, запасы? Запасы все давно закончились. Из угля гонят, по немецкой технологии. Ну и масла всякие, они тоже нужны.

— И как?

Про немецкий синтетический бензин я слышал и читал — немцы в войну вроде не жаловались на него. Разве что дороговато он выходил, если мне память не изменяет. Но может и изменять, не уверен.

— Да нормально, видишь — бегают. — Он в очередной раз постучал по рулю, как делал каждый раз, когда

заговаривал про свой «Опель». — Моя «Минерва», что в той жизни осталась, от такого бы масла с бензином загнулась, а «опелек» этот жрет и радуется.

— Че за «минерва»? — удивился я.

— Внедорожник японский. У вас таких не было? — даже не удивился он.

— Не было.

— Значит, че-то другое было, — заключил он с уклоном в некую философичность.

— Ага, наверняка, — поддержал я его логичный вывод.

Вскоре машина выбралась на старую и здорово разрушенную асфальтовую дорогу, на которой трести стало даже хуже, да и кузов загромыхал еще громче. Стало шумно, разговор увял.

Первое доказательство того, что Федя не псих и надо мной не издевается, пришло, когда из-за поворота дороги показалось поле, тянущееся к большому городу, а затем мы проехали мимо потрескавшегося бетонного указателя с каким-то барельефом, изображающим шахтеров и металлургов в трудовом порыве и с надписью под ними: «Углегорск. Город трудового подвига».

Город явно был немаленьким. Если бы у нас такой был, я бы о нем слышал, так или иначе. Виднелись трубы заводов, тянулась серой лентой река, теряющаяся между домами. За рекой виднелись холмы, чуть дальше превращающиеся почти что в горы. Если приглядеться, там можно было увидеть какие-то металлические конструкции, экскаваторы, еще что-то. Все тоже с виду заброшенное, но явно указывавшее, что тут есть что добывать.

— Углем город жил? — уточнил я.

— Углем и сталью, тут железа полно. Но мы только уголь добываем.

— А чего так? — удивился я.

— Металлолома выше головы, на веки вечные хватит, — объяснил он. — Но металлургический частично работает. Раньше он тут огромный был, а у нас — так,

фурычит помаленьку. Чуть-чуть тот же металлолом плавают, чуть-чуть катают, чуть-чуть льют и чуть-чуть слесарят даже прямо там. Железную дорогу вот строят, до Карьерного уже дотянули, «овечка» ходит. Электростанция есть — правда, она только на завод работает и еще на пару мест.

Поймал себя на ощущении, что смотрю телевизор. Репортаж с мест, о проблемах промышленного региона. Осознать тот факт, что я сам сижу в этом репортаже, пока не получалось. Было абсолютное ощущение нереальности всего происходящего вокруг.

Чем ближе к городу, тем все более мрачное впечатление он создавал. Он был заброшен, и это уже бросалось в глаза. Даже пять лет без людей не проходят бесследно для места, где люди должны быть. Это как покинутый дом вдруг начинает разрушаться удивительно быстро. Пока люди живут — ничего с ним не делается, а как покинут — и сразу трещины, запах затхлого, что-то ломается... Странно, но правда.

Да и с того момента, как люди исчезли, прошло уже не пять лет, как я понимаю. Пыль, грязь, бурно разросшиеся кусты, осевшие деревянные дома — окраина, частный сектор. Чуть дальше, ближе к центру, начали попадаться двухэтажные деревянные на каменных цоколях. Я таких давно не видел, а вот с детства их еще помню — настоящие бараки, у нас такие на противоположной стороне улицы были. Даже без водопровода, кажется, — там на углу колонка стояла, возле которой мы обожали играть. А тетки, приходившие из бараков за водой, нас гоняли от нее почему-то.

Колонки и здесь были. Тоже заброшенные, поржавелые, с облезшей синей краской. Из них воду давно не добывали, видать.

— А что людей не видно? — удивился я.

Действительно, улицы поражали еще и абсолютной безлюдностью. Пусть тут семнадцать тысяч населения всего, но хоть кто-то должен был мелькнуть.

— Люди в центре живут, компактно, — пожал он плечами, словно удивившись наивному вопросу. — Там и дома каменные, и безопасно. И сектор огорожен более-менее.

— А тут что?

— Тут опа-асно, — словно удивившись вопросу, протянул он. — Съесть могут или чего другое. Не так, как возле границы Тьмы, но тоже черт знает что творится.

— А так и не скажешь, — сказал я, глядя в окно. — Просто заброшенное место с виду. Пусто очень, правда.

— Это днем. Ночью куда хуже. Боремся как можем, но город большой. Везде не успеваем. Тут раньше тысяча двести населения было.

— А в центре безопасно, говоришь?

— Если по ночам не гулять.

— А чего тогда по ночам делаете?

— Дома сидим и водку пьем, — усмехнулся он. — Или что другое, если есть с кем. Да увидишь все, поймешь по ходу, есть где людям собраться и под крышей. Нормально живем, как люди, пусть и трудновато. А то начну объяснять — и только запутаюсь. Помаленьку все. Поначалу главное — слушай внимательно, что говорят. И все правила читай. Где они есть, там и читай, они тут не просто так писаны. А там работу найдешь, устроишься, разберешься. Сам таким был поначалу: вопрос на вопросе.

Вытащив из кармана серебристый портсигар с какой-то надписью, в котором обнаружился ряд толстых папирос, он взял одну, смял картонный мундштук в подобие примитивного фильтра и закурил.

— От прежних остались или местные? — спросил я, приоткрывая стекло двери.

— Курево-то? Местное, армяне какие-то гильзы делают и продают, а по реке возят табак с юга. Набиваем уже сами, машинками. Нормально, курить можно. Будешь? — протянул он мне.

— Не, спасибо, не курю я.

Машина пару раз вильнула по проулкам, разминувшись с большим встречным грузовиком, выехала на относительно широкую улицу с вросшими в брусчатку трамвайными путями, загремела покрывками по бульжнику. Затем нам навстречу попала бронемашина с открытым верхом, в которой, судя по торчащим головам, сидело человек пять, и на турелях стояли аж три пулемета.

— Классный «скаут», ленд-лизковский. А мужики в нем — разведбат, — пояснил Федор с уважением. — В рейды хрен знает куда катаются, самая белая кость в городе. Но туда попасть проблемно, хоть оно того и стоит.

— Опасно?

— Естественно, они на самые границы Тьмы ездят, те же меняются постоянно, — ответил Федор, а затем спросил: — А сам по работе что думаешь?

— Ну ты спросил, — усмехнулся я. — Откуда я знаю? Какие тут вообще работы бывают?

— Разные, почти как в нормальном мире. Почти. Ты вот сам как думаешь, что лучше? Спокойно и денег поменьше — или с проблемами, но побольше? Ну и свободы побольше тоже.

— А что предлагаешь? — уточнил я, поняв, что он к чему-то клонит.

— Да пока не предлагаю, но вот если ты в технике шарить, то можно на завод пойти. Или в мастерские куда. Но если не специалист, то хорошего оклада не будет — ученик, считай. Работа каждый день, охрана, безопасность, все такое. Ты не военный? — вдруг спросил он.

— Нет, только срочку служил.

— Ага, да и служба дело такое — на нее сразу не берут. Я сам в разведроту пытался, так даже слушать не стали. А у нас вот сутки отпахал, потом трое гуляй. На все времени хватает. И платят как мастеру на заводе. Ну чуток меньше.

— А минусы?

— Без башки остаться можно — это главный минус. Недостаток, можно сказать.

— С высокой вероятностью?

Он помялся, скорее сам задумался, затем сказал:

— Если сразу не накрылся, то потом долго проживешь. Я уже два с половиной года фонарщиком — и живой, как видишь. Если без ума куда не надо не лезть, действовать по инструкции, то жить будешь. Опять же, патронов нам не жалеют, с оружием нормально. По местным реалиям мне нравится. Ну и уважение, и все такое.

— И повеселее, наверное? — спросил я, прикинув, к чему клонит Федор.

Я задумался. Не то чтобы сразу на все согласен, но Федор мне кажется парнем нормальным. А заодно он мой единственный знакомый в этих краях — все какая-то подмога. Да и сам я такой: мне лучше с риском, например, но чтобы и денег побольше, и с тоски не помирать. Хотя тут помереть скорее не с тоски можно, а как раз наоборот.

— А чего за работа-то, вообще?

— Заброшенные дома освещать как можно чаще, — взялся мой спутник за объяснения. — А то в тени всякое завестись может: если долго не проверять, увидишь — сдуреешь. Ну и мы ездим по графику бригадой светим. Или если пробой где случается, ликвидируем.

— Что за пробой?

— Ну... ну вот подвал какой-нибудь, о котором никто не знает. — Федя изобразил при этом зловещее лицо. — И там темно с начала времен. И если там какие-то причины сложатся, то в подвале такое заводится, что не знаешь, как спастись. А то и просто канал во Тьму оттуда получается, как туннель. Вот мы и прикрываем район. Воюем тогда уже всерьез.

— Погодь, а ночью, когда везде тьма?

— Ночью — тень, — поправил он меня. — Или темнота, если хочешь. И время Тьмы. Тьма приходит через тень.

— А в чем разница?

Он чуть растерялся, затем сказал:

— Если коротко, то тень — это отсутствие света. А Тьма — это противоположность Свету. Свет светит, а Тьма... «темнит», например. Увидишь когда-нибудь, я не умею толком объяснить.

— Ага... — сказал я, кивнув, просто потому что не видел смысла пытаться его дальше. — Слушай, а почему нельзя дома пустые взорвать, например?

— Смеешься? — удивился он вопросу.

— А че?

— Как это — че? — засмеялся он. — Если их взрывать, то только так, чтобы даже подвал открытым остался, а это уже никакого толка не напасешься. Если просто дом завалить, то добьешься только того, что в подвале вечная тень заведется. И Тьма придет. А ты хрен чего сделать сможешь, потому как все завалено и это место не просветишь. Сам себе навредишь. Так, разбираем старый жилфонд помаленьку, но это надолго.

Во как... и верно. Ступил я чего-то. Ну мне прости-тельно, я вообще пока не уверен, что все вокруг — реальность. Может быть, меня там током дернуло и я в коме где-нибудь в больнице? Как знать, как знать... Иначе придется смириться с мыслью, что угодил в фильм ужасов. А она сейчас милицию вызывает: куда пропал мужик вместе с сараем... Ой, ой, ой... об этом и подумать-то страшно. Как бы с ней чего не случилось от такого явления.

— Ты чего? — скосил на меня глаза Федор.

— А что?

— Да как-то ты в лице переменялся.

— Да прикинул, что там сейчас дома...

— Жена, дети?

— Почти жена. Вторая. Дите взрослое уже и с первой женой живет. В разводе мы.

— Это у тебя. А тут и детных отцов-мамаш хватает — прикинь, каково им было. Но справляются как-то, куды денешься. Вон граница жилого сектора впереди.

Жилой сектор заметно отделялся от нежилого. Хотя бы тем, что включал в себя, как я понимаю, все каменные дома Углегорска, а также тем, что вокруг него была самая настоящая полоса отчуждения. Не поленились, снесли дома до земли метров на сто от серьезного забора из колючей проволоки, напоминающего скорее ограждение перед окопами у Вердена. Не жалели здесь колючки, мотали плотно.

— Откуда столько проволоки? — не выдержав, спросил я.

— Здесь и делают, металлисты. Чуть не основная продукция.

Проволочный забор прерывался настоящей крепостью. Вполне серьезный дот с бойницами для пулеметов на уровне второго этажа, с площадкой для караульных на крыше. По краю прожектора, снизу ворота стальные. Дальше, за ограждением, стоит небольшой танк или бронемашинка со спаренными ДШК в башне. Последний довод, наверно.

Грузовик неспешно заехал в отстойник КПП, ворота сзади закрылись, а спереди пока открываться не спешили. Из дота вышел офицер в форме и фуражке, с таким же ППШ на плече, как у Федора. Я обратил внимание на форму — все вроде похоже на нашу старую, но с отличиями. И бриджи не такие широкие, и гимнастерка до самого низу расстегивается, и лейтенантские погоны мягкие, тряпочные, откидные на пуговице, и воротничок отложной, без петлиц. И солдаты не в пилотках, как у нас принято, а в таких, как у Федора, небольших кепочках-фуражках с обшитыми тканью козырьками.

Офицер подтащил от стены небольшой фонарь на витом шнуре, затем махнул нам рукой, скомандовав:

— Из машины. Досмотр.

Судя по спокойной реакции Федора, процедура была рутинной. Да и логичной, если по рассказам судить, так что трепыхаться не стал, а послушно выбрался из машины. Офицер посветил каждому фонариком в глаза, заста-

вив морщиться, затем проверил у Федора документы, а когда обернулся ко мне, шофер сказал:

— А это попаданец очередной. Провалился часа три назад.

— Да? — спокойно, даже не удивившись, переспросил офицер. — Тогда поздравляю с попадаловом. Откуда родом?

— Из Москвы.

— Земляки, — кивнул он. — Хоть и не уверен. Москвы бывают разными, и их бесконечно много. В курсе уже?

— Ага.

— Ну и хорошо. Проходите на блок, отправим вас на распределение.

Я оглянулся на Федора, почувствовав, что словно теряю спасательный круг в этом сюрреалистическом месте, но тот, забираясь в машину, сказал:

— Мальцев моё фамилие называется. Просись в Горсвет — тогда в одну общагу устроят. С тебя поляна в честь заезда — сразу как подъемные получишь.

— Давай езжай, — махнул ему лейтенант.

Федор помахал рукой, тронул с места свой чадящий агрегат и провел его в раздвинувшиеся ворота. А я, сопровождаемый молодым крепким солдатом в накинутаой поверх формы плащ-палатке, вошел в низкую дверь в бетонной стене дота, оказавшись в небольшой комнатке. У стены стояла длинная лавка, больше ничего не было. На нее я и сел.

— Сейчас поедем, — пояснил боец, останавливаясь в дверях. — Сержант только машину подгонит.

— А что, далеко отсюда?

— Нет, но чего ноги топтать?

— Тоже верно.

Среднего роста, белобрысый, лет двадцать пять. Форма, как и у лейтенанта, вроде все привычно, но тоже с отличиями. Я обратил внимание на его карабин, небрежно висевший на плече стволом вниз. Сначала мне показалось, что это обычный СКС, только с пламегасите-

лем. Затем на минуту почудилось, что это американский карабин М1 военной поры, какой я на картинках видел многократно. А потом, уже всмотревшись внимательно, я понял, что это все же наш СКС, но с отъемным магазином. Да и вообще непривычный какой-то, без откидного штыка. Штык у бойца на ремне в ножнах висел.

— Это что за ствол у тебя, если не секрет? — спросил я, не удержавшись.

— Самозарядный карабин Симонова образца сорок пятого года, калибра шесть с половиной миллиметров, — ответил тот, а затем спросил у меня сам: — У вас такие были?

— Похожие, но не совсем такие, — сказал я, всматриваясь.

Магазин что-то очень прямой, необычно. Да и емкость непонятная у него, если по размеру судить. А СКС у меня самого дома есть, охотничий, так что я в курсе, что к чему.

— Сколько патронов?

— Двадцать. С американского карабина, как говорят, взяли компоновку, — пояснил солдат. — Американские здесь попадают, они тоже на двадцать. Правда, наш мощнее намного и на холоде надежней.

— А что за патрон шесть с половиной?

— А черт его знает, — пожал плечами боец. — Я не в курсе. Тут шесть с половиной основным калибром — что у карабина, что у пулемета ручного. Шесть и пять на сорок четыре. Да на вот, глянь...

Он вытащил из подсумка один магазин, выщелкнул верхний патрон и кинул его мне.

Ага, гильза чуть менее под конус, чем наша калашовская, и подлиннее. Пуля тоже заметно остроконечней, чем привычная семерка, и потощей будет. Откуда калибр такой? Если бы про нас разговор, то сказал бы, что от японской «арисаки» пошел, только укоротили гильзу... а может, так и было? Как тут история развивалась, черт ее знает. У нас в Первую мировую и «арисаками» пользо-

вались, и под патрон для нее Федоров автомат изобрел. Первый в истории. Почему нет? С него и пошло. Был тут Федоров, кстати, или нет?

— А чего пламегаситель такой странный? — спросил я, кинув патрон ему обратно.

— Чтобы гранатами стрелять, — ответил боец и опять полез в подсумок: — Вот гляди, на пять холостых патронов магазин, боевой в него не всунешь.

Действительно, в руке у него появился короткий магазин с наглухо сходящимися впереди губками, патрон с пулей в него не втолкнешь — не влезет, только холостой с замятым дульцем.

— А вот граната, — добавил собеседник и вытащил из длинного брезентового подсумка нечто вроде маленькой минометной мины с длинным тонким хвостом. — Насадил на ствол, газоотвод перекрыл, холостые вставил — и бах! Знаком с такими?

— Нет, у нас не было, — покачал я головой.

— Из разных мы с тобой мест, — заключил он. — У нас были. Хорошая штука, можно метров за двести стрелять.

— У нас подствольные гранатометы.

Он ничего не ответил, лишь пожал плечами. Подозреваю, что попытки определить, кто откуда, тут вроде как стандартная процедура знакомства.

В комнатку заглянул младший сержант, рыжий и усатый, сказал:

— Давай, попаданец, отвезем тебя куда полагается.

На улице прямо возле дота стояла знакомая по фильмам полуторка — маленький неуклюжий грузовичок, у которого на деревянном борту кузова большими белыми буквами было написано «Комендатура».

— Давайте оба в кузов, — сказал сержант, забираясь за руль машины.

Карабкаться было невысоко, да и задний борт был откинут. У борта переднего имелась лавка, на которой мы вдвоем с бойцом и уселись.

— Давно ты здесь? — спросил я его.

— Года два, — ответил он и, что-то прикинув, добавил: — Чуть больше: два и месяц.

— И как?

— Да нормально, могло быть и хуже, — пожал он плечами. — Живем — хлеб жуем. Пока цел, служба идет. Да не волнуйся, все пучком будет, все равно отсюда никуда не денешься.

Фыркнув мотором и душераздирающе проскрежетав коробкой, полуторка дернула с места чуть не прыжком, так что я с лавки едва не свалился, но дальше покатила неторопливо, не набирая, судя по всему, и сорока километров в час. В лицо опять сыпануло мелким дождем, я плотней завернулся в дождевик, чувствуя, как промозглая сырость забирается и под него, и под толстый свитер.

Потянулась прямая грязноватая улица с высокими тополями по бокам, прикрывающими обшарпанные стены домов с осыпающейся штукатуркой, крашенной в желтоватый цвет. Тянулись дома жилые, какие-то учреждения, школа с барельефами в виде глобусов, планеров и пионерских галстуков по фасаду, какой-то сквер с памятником не пойми кому. Появились пешеходы, одетые все больше или в допотопную военную форму, или в какую-то ее комбинацию с гражданской одеждой. Впрочем, была одежда и просто гражданская, выглядящая вполне привычно.

— Слушай, а чего столько народу по форме-то, а? — спросил я.

— А что тут еще носить? — удивился он вопросу. — В магазинах здесь по одежде голяк, а если где и есть что, то такого вида, что смотреть страшно, разве что под машиной валяться. А на складах таких галифе с гимнастерками на целую ударную армию хватит. Или две. Вот и выдают. Ну еще тетки свитера вяжут, продают на базаре, а остальное все такое вот... Куртки кожаные кто-то наладили делать, где-то шить начали, но пока мало и дорого. Дорого в основном.

Он покачал носком кирзового сапога, выставив его вперед. Кирзачи были виду самого привычного, знакомого с юности, так сказать.

— А тут правда война только закончилась?

— Да вроде как, — кивнул боец. — Но тут ее не было — фронт не дошел, как я понял. Верст двести сюда не дошел. Зато складов военных здесь до черта: вроде как поближе к фронту везли. Или с фронта.

— У вас... ну откуда ты сам... война была?

— Ага, еще какая, — кивнул он. — В сорок шестом закончилась. Перемирием.

— А началась?

— В сороковом.

Я присвистнул мысленно. У нас все же на два года меньше тянулась. Интересно, что там у них творилось, в реальности, откуда провалился в эти мрачные места мой конвойный? Но спрашивать не стал.

Чем ближе к самому центру, темлюдней было на улицах. Были вооруженные люди, а были и безоружные на первый взгляд. Я даже не выдержал и уточнил:

— А днем тут безопасно, точно?

— Ага, Горсвет тут все просвечивает — не успевают заводиться... всякие. А через периметр мы не пускаем. Вот с закатом уже стремно на улицу соваться. Если ты не дома, то лучше сиди где сидел или в гости к кому иди.

— А на машине?

— Смотря на какой, — усмехнулся он. — Если на танке, то без проблем. Ну и не на танке можно, но надо уже оглядываться.

— А есть танки?

— Есть, куда они денутся. Только запчастей и горючки на них не напасешься, так что если что и пользуем, так только легкие. А так всяких хватает. Правда, их еще и завести проблема обычно: стоят-то уже сколько лет.

— А у дота что стояло такое, ну с двумя пулеметами? — поинтересовался я.

— Т-90, легкий, зенитный вроде как, с двумя «дашка-ми». Серьезный агрегат — как сыпанет, так и в ключья.

— Кого в ключья? — уточнил я, восхищенный метафорой.

— Да пофиг кого, — отмахнулся небрежно боец. — Кого хочешь.

— Понятно, — кивнул я с уважением.

Полуторка объехала по кругу площадь с заросшим сквером посередине, которая называлась, как и следовало ожидать, площадью Ленина и которую здесь звали, со слов бойца, площадью Крупского, или просто Крупой, ну и памятник, стоявший посреди сквера, оказался как раз ему и посвящен. Лысый вождь стоял чуть наперекосяк, призывно вытянув руку и указывая ею на сгоревший верхний этаж здания напротив, словно намекая на беспорядок.

— А че там горело? — полюбопытствовал я.

— Да фонарщики какой-то шкаф на чердаке прошляпили, оттуда и вылезло, — объяснил боец. — А в здании только ночной дежурный был, так, чтобы отбиться, бумаги в шкафах поджег. «Да будет свет!» вроде как сделал. Этаж и сгорел. А сам не в курсе, что гадам этим свет, если уже полезли, — по барабану совершенно.

— И чего с дежурным?

— В окно сиганул, упал в кусты, только ноги поломал. А тут и фонарщики подъехали.

Полуторка остановилась у обшарпанного крыльца, пофыркав двигателем. Боец совсем не изъявил желаний вылезти, выбрался только сержант из-за руля, призывно махнувший мне рукой и сказавший:

— Слезай, приехали. Щас тебя посчитают и к делу определяют.

Под конвоем сержанта и словоохотливого солдата я поднялся по крыльцу и оказался перед дверью, справа от которой на стене висела табличка, гласившая: «Администрация Углегорска. Районный отдел приема поселенцев (РОПП)». Дверь, крашенная бурой половой краской,

отворилась со скрипом на тугой пружине. Мы вошли в полутемный маленький вестибюль, где вдоль стены вытянулся ряд кресел с откидными сиденьями из потрепавшегося дерматина, вроде как в кинотеатрах раньше бывали, а напротив кресел, за стойкой, отгороженной решеткой, сидел сержант с красной повязкой «Дежурный по отделу» на рукаве.

— Здорово, ропперы! — громогласно, вызвав гулкое эхо, поздоровался рыжий. — Митя, поселенца привезли, оформляй.

И с этими словами рыжий протянул в окошко какую-то бумажку.

— Это хорошо, — кивнул дежурный, делая в бумаге какую-то пометку и возвращая ее обратно. — Больше народу — крепче стоим. А то что-то в последнее время мало провалилось, мы уже опасаться начинаем. Как зовут?

Это он уже ко мне обратился, заодно подтягивая большую амбарную книгу и открывая ее на заложенной странице.

— Бирюков Владимир Васильевич, — представился я.

Сержант сначала посветил мне в глаза, затем тщательно, каллиграфическим почерком записал в книгу мои данные, не забыв спросить даже домашний адрес, затем сказал:

— По коридору направо, кабинет номер два. Бочаров Сергей Геннадьевич вас примет, теперь все вопросы к нему.

Рыжий пожелал мне удачи, попрощался с дежурным, уткнувшись в какую-то книжку, и вышел на улицу. А я направился куда велели — в темный коридор, в конце которого в кронштейне торчала керосиновая лампа, дававшая тусклый и мерцающий свет. Двери выходили в обе стороны, так что окон в коридоре не было, свет с улицы не попадал. Номера на дверях прочитать было почти невозможно, приходилось чуть не носом упираться в них и еще на цыпочки приподниматься. Кабинетом номер

два оказалась вторая дверь по счету. Я постучал, дождался ответа «войдите» и соответственно вошел.

— Добрый день, — с ходу поприветствовал меня средних лет невзрачный и лысоватый дядек в большой не по росту, опускавшейся почти до колен полушерстяной гимнастерке без погон, но с портупеей через плечо.

— И вам добрый, — кивнул я, оглядываясь.

Стол под выцветшим зеленым сукном, простой и потертый. Карандаши. Чернильница. Бумага. Все как из кино — полное ощущение нереальности.

— Чего озираешься? — буркнул мужик. — Компьютеры ищешь?

— Ну... типа того, — кивнул я. — А то странно как-то, типа в театре. Или музее.

— Ага, а я тут экспонат, — кивнул он. — Нет тут ни хрена — ни компьютеров, ни телевизоров. Даже ручек нет шариковых: чернилами пишем, из непроливаек. И суем в них стальные перья, и ставим на бумаге кляксы. Бумага, кстати, дерьмо дерьмом, пером из нее аж щепки цепляются.

Мужик вздохнул, бессмысленно передвинул чернильный прибор, изображавший рабочего с молотом и колхозницу со снопом спелой ржи, кривовато отлитых в бронзе, затем спросил, попутно указывая на стул напротив:

— Садись, рассказывай, как сюда попал.

— Как все, наверное, — пожал я плечами.

— Точно, — кивнул тот. — Темнота, очнулся — гипс.

— Гипса не было.

— Да знаю, — поморщился он. — Понял хоть, где очутился?

— Ну... просветили немного добрые люди.

— Сюда как попал?

— Да парень один подвез, — неопределенно махнул я рукой куда-то в сторону окна. — В Горсвете работает, как рассказал.

— Это кто там? — слегка заинтересовался Бочаров. — Я вроде всех оттуда знаю.

— Да Федором зовут, но говорит, что даже на Теодора согласен. Мальцев фамилия.

Бочаров вздохнул, затем сказал:

— Знаю я сего Теодора. Лоботряс. Но парень смелый, не скажешь ничего. Ладно, к делу давай.

— Давайте, — согласился я. — А то я пока вообще не знаю, что мне дальше делать, как жить и куда. Кстати, а обратно отсюда точно никак?

— Точно, — кивнул он. — Было бы «как» — ты бы здесь ни души не встретил. Хотя... — Тут он замялся. — Хотя всяко бывает. Кто-то и прижился уже, обратно так и не захочет. Иные в авторитет вошли, а дома никем были. Ладно, давай с главного: голодный?

— Ну... есть малехо, — проявил я честность. — Но терпимо, можно и подождать.

— Тогда терпи, с остальным закончим.

Бочаров встал, одернув гимнастерку, которой это совершенно не помогло: складки собирались под широким кожаным ремнем самыми причудливыми сочетаниями, задирая полы и образуя что-то вроде балетной пачки. Подойдя к старинного вида сейфу, открыл его, вытащил оттуда бумажный конверт. Вроде как подумав, передал его мне:

— Тут талоны на питание. Тридцать дней три раза в день. В центральной столовой — это вон там, за углом, — указал он направление рукой и уселся обратно на свой скрипнувший стул. — С голоду уже не помрешь. А в остальном как дальше жить планируешь?

— Да я и не знаю ничего толком, — удивился я вопросу. — А какие есть варианты?

— Ну можешь просто идти сам себе дело искать, частника мы не зажимаем, — сказал собеседник. — А можешь на работу устроиться, что и рекомендую, собственно говоря. Зарплата, общага, там осмотришься.

— Ну... чего я сам шариться буду? На работу надо. Если место дадут, куда свои кости бросить.

— Дадут, дадут, — вздохнул он. — Вот смотри, список вакансий, куда народ на сегодня требуется.

Он открыл большую картонную папку, лежащую перед ним, и подвинул ее мне. Я увидел отпечатанный на машинке лист позиций из двадцати. Пробежал по нему глазами, отметил «Комендантскую роту» и «Горсвет», затем на Бочарова взглянул:

— А правда, что в Горсвете работа суточная?

— У фонарщиков выездных, — ответил Бочаров. — Это которые в поле работают. А что, Федька агитировал?

— Ну... да, он, — подтвердил я. — Все равно ни черта не знаю, а там, говорит, и платят неплохо, и время свободное есть.

— А насчет профессионального риска предупреждал? — уточнил собеседник.

— Вроде как, — пожал я плечами. — Только я пока не верю еще ни во что. Точнее, верю, но ни хрена не понимаю.

— В Горсвете поймешь, — усмехнулся тот. — Отговаривать не буду: если тебе лихость природная жить не дает — там тебе самое место. Да и люди там во как нужны, народу страсть за месяц у них накрылось.

Это он добавил с неким оттенком злорадства в мой адрес: мол, надо было раньше думать, прежде чем проситься. Не могу сказать, что пропустил мимо ушей, но заднего хода давать не стал, неудобно уже переобуваться. Да и вообще...

Он вырвал из другой папки какой-то разлинованный бланк, в котором начал что-то быстро писать, постоянно макая простенькую ученическую ручку с пером в чернильницу и немилосердно пачкая бумагу кляксами, да еще и тихо матерясь при этом. Покончив с писаниной, он помахал листочком, чтобы просушить чернила, затем протянул его мне:

— С этим в Горсвет пойдешь, в отдел кадров. Там тебя в штат зачислят, аванс выплатят. Это вот так, по улице, пока зеленый забор с воротами не увидишь справа, а за ним — желтый дом трехэтажный. — Он ткнул пальцем куда-то в стенку. — Это Советская, тридцать два, бывшее здание почтамта. Сегодня у нас... — он заглянул в календарь, — четверг у нас сегодня. В понедельник в девять утра жду здесь, на лекции для новичков. Это обязательно: с работы отпускают, даже если на дежурстве. Понял?

— Понял.

— Тогда шагай прямо туда, а то до конца рабочего дня всего полтора часа осталось. Не успеешь что-нибудь получить — тоже понедельника ждать придется.

— Ага, спасибо.

— Не за что. Поаккуратней здесь, в темноту не лезь.

— Вообще?

Он чуть удивленно глянул на меня, подняв мохнатые брови, затем спросил:

— На этот счет тебя так никто и не просветил?

— Нет, — чуть растерялся я.

— Тьфу, блин, — досадливо поморщился он. — Тут правило такое: не знаешь места — сперва туда посвети. Если больше суток где-то темнота была, там уже что-то завестись может. Но полная темнота, когда ни лучика света туда. Видал?

Он указал пальцем на шкаф с папками для бумаг. Я обратил внимание, что дверцы в нем просверлены во многих местах — грубо, дрелью.

— Вот так надо, где можно, — добавил он. — Чтобы как можно меньше мест для тени оставалось, понял? Пусть хоть лучик, и уже все в порядке. Если увидел вроде как траву, но такую черную и легкую как пепел — осторожно, это уже прорастать Тьма туда начала.

— И чего делать? — чуть опешил я.

— Свет нужен. Любой, керосинки хватит. Ладно, по остальному тебя в общаге просветят, а главное я сказал — во тьму ни ногой. Понял?

— Понял.

— Иди давай.

На этом разговор наш и закончился. Я прошел через пустынный вестибюль мимо кивнувшего мне дежурного сержанта за решеткой — и оказался на улице. Встал на крыльце, огляделся.

Дождь вроде как усилился, стало еще ветреней, но сам я немного если не успокоился, то ощутил себя стоящим ногами на земле. Люди все же вокруг, уже легче чуть-чуть. Но все равно... Помотал головой, пытаюсь отогнать назойливый бред, но ничего не вышло. Бред, или не бред, продолжался и развеиваться не собирался. Поэтому я направился туда, куда сказали.

Улица Советская была, по всему виду, самой центральной еще в том Углегорске, до того как он переселился в Отстойник, потеряв где-то все население, да и сейчас таковой осталась. Несмотря на обшарпанный вид, осыпающиеся фасады домов и разбитые тротуары, неровную брусчатку там, где были когда-то трамвайные пути, она была оживленной. Ну на том фоне, что мне довелось наблюдать, проезжая по другим улицам. Были открыты какие-то магазинчики, заметил шашлычную, а затем и хинкальную, логично подпертые пельменной и просто пивной. Где-то негромко и хрипло играла музыка, причем старая и очень знакомая... точно, Русланова, да еще и «Валенки». Это как так?

Потом сообразил, что вряд ли кто с DVD-плеером сюда провалился, а тут небось одни патефоны были. Вот и слушают то, что есть. Тут еще круглых черных тарелок радиоточек ждешь, но пока на глаза не попадались.

Был у меня когда-то патефон, я его на даче на чердаке нашел, когда еще совсем сопляком был. Копался в старом, пыльном хламе — и вытащил. Патефон и квадратный черный чемоданчик с удивительно тяжелыми, толстыми и одновременно хрупкими пластинками с красными и синими бумажными «яблоками» в середине, которые крутились очень быстро и у которых на каждой

стороне было записано по две песни, звучавших словно с того света. Но мне этот агрегат с пружинным приводом очень нравился, и я с удовольствием слушал «Утомленное солнце», «Брызги шампанского» и «Гоп со смычком».

Затрещал двигатель, мимо прокатил мотоцикл с коляской, за рулем которого сидел человек в танковом шлеме и в зеленой плащ-палатке. В коляске, против ожиданий, пулеметчика не было, а лежал большой мешок, на котором мне удалось разглядеть надпись «Сахар». Ага, добыл где-то. Тоже молодец.

Из шашлычной «Телави», когда я проходил мимо нее, потянуло вкусно и так остро, что я слюну сглотнул, перехватив любопытствующий взгляд толстяка кавказской наружности, стоящего на крыльце со сложенными на груди толстыми руками. Я лишь ускорился, успев с сожалением вспомнить, что у меня в кармане только талоны на бесплатное питание, а уж они наверняка шашлычного человека не заинтересуют. Почему-то я в этом уверен.

Бочаров не соврал — идти оказалось недалеко. Вскоре я увидел высокий забор, в нем — серьезные зеленые ворота с красными звездами, выглядевшие непривычно ухоженными на фоне всеобщего запустения, а забор превратился затем в стену дома с высоким крыльцом.

«Горсвет». И все, никакой расшифровки, вроде как у ропперов, или как там назвал тружеников по приему поселенцев рыжий сержант. Скромно, но со вкусом.

Вестибюль с дежурным в мощной клетке был просторным, из бывшего приемного зала почтамта переделанным. Колонны с барельефами вверху, на стене мозаика — вдохновенный горняк демонстрирует свой отбойный молоток восхищенной колхознице. И все это на фоне трактора и спелой нивы. Как на это поле попал шахтер, я так и не понял. Докопался, наверное, снизу. И деву напугал: вид у нее и правда какой-то неуместно экзальтированный.

В отличие от пустынного вестибюля РОПП, здесь было шумно и суетно. Сновали туда-сюда люди, кто-то

громко говорил в коридоре, где-то звонили телефоны. На меня внимания никто не обращал — лишь дежурный, пропуская меня через клетку-шлюз, уже привычно направил мне в глаза фонарь-переноску, забрал у меня бумажку, прочитал ее внимательно, а затем вернул, сказав бесцветным голосом:

— Отдел кадров напротив, туда пропуск не нужен, — и указал рукой на дверь у меня за спиной.

Действительно, там была обитая дерматином дверь с требуемой табличкой. «Горсвет, Отдел кадров. Зам. н. ОК Березаев Павел Демьянович». Стучать в такую дверь было бесполезно — все равно не услышат, так что я ее просто потянул на себя и вошел.

Отдел был представлен одним-единственным человеком — седым и лысоватым дядьком годам к шестидесяти, росту такого, что его едва было видно из-за стола, одетого, к моему удивлению, в костюм, хоть и без галстука, однако сорочка была застегнута под самое горло, до верхней пуговички. А сам костюм был столь удивительного цвета, что я заподозрил, что портной украл сукно для его пошива с бильярдного стола.

Дядек был не лишен чувства юмора — на стене висел плакат с надписью, гласившей: «Приходи редко, проси мало, уходи быстро». При этом непохоже, что он был работой перегружен.

— Садись, — сказал дядек, после того как мы обменялись приветствиями, и указал на неудобный, как «кресло грешников», стул с прямой спинкой и бурым дерматиновым сиденьем системы «але, геморрой».

Точно, на таком не засидишься — уйдешь быстро и просить ничего не захочешь. Это я осознал сразу, едва усевшись.

— Давай направление, — сказал он, протягивая руку с вытатуированным на тыльной стороне ладони якорем.

Читал он его недолго, хмыкнул пару раз каким-то своим мыслям, затем аккуратно подшил в папку, кото-

рую, не вставая, извлек из шкафа. Затем сунул мне рота-принтную анкету на трех листах, спросив попутно:

— Чернильницей пользоваться умеешь или карандашик дать?

— Лучше карандашик, — честно ответил я.

— Держи, только очинен худо, — сказал Березаев, прокатив по столешнице простой карандаш, действительно заточенный кое-как, словно топором. — Документов-то никаких небось?

— Откуда?! — чуть преувеличенно удивился я. — Во двор на минутку вышел.

— А где тебя закрыло?

— В сарайчике.

— А я в подвал за огурцами полез на даче. Новый год справляли. То-то, думаю, гости удивились, куда хозяин пропал, — вздохнул дядек. — А жена так в особенности — решила небось, что к любовнице сдернул.

— А давно было, Пал Демьяныч? — вежливо поинтересовался я.

— Да девять лет уже как. Ты пиши анкету — времени мало, мне тебе документы выписывать, а потом бухгалтерия, замбой — в общем, хватает дел.

Анкета оказалась хоть и длинной, но простенькой, касалась больше бывших мест работы да полезных навыков. Березаев, почитав ее бегло, отчеркнул красным карандашом пункты про срочную службу, военную кафедру, охоту и рыбалку, чуть подняв брови, обвел в яркий овал мою запись о долгом стаже за рулем мотоцикла. Даже спросил:

— Мотоцикл точно водишь?

— Точно вожу. А что?

— Да мало кто умеет у нас, — сказал он, опуская глаза в анкету. — Мы же не французы сюда ссылаемся, климат сам знаешь какой — вот и получается, что мотоциклов тут много вроде как, а мотоциклистов мало. Учим, естественно, но все равно это уметь надо.

— Ну... могу, если надо, — пожал я плечами. — Только у вас тут что за климат?

— Обычный. Но с коляской и зимой гоняем. Как в войну ездили, так и у нас ездят.

Я немного опешил, но потом вспомнил, что вроде как в той же хронике мотоциклисты круглый год катались. Да и что это за транспорт на войне, если он сезонный?

— А у вас тут что, «цюндапы» какие-нибудь трофейные? — заинтересовался я.

— «Харлеи», нас на снабжение с ленд-лизовского склада поставили, так что иного не полагается, — сказал Пал Демьяныч, отодвигая анкету в сторону. — Претендуешь?

— С коляской?

— С ней самой, — подтвердил тот. — И с приводом на коляску.

— Я с коляской не ездил, — чуть растерялся я.

— Поездишь, — резонно возразил Березаев. — У нас тут и без коляски поначалу никто не ездил, а вот пожалста. Привыкнешь. Плащ тебе дадим трофейный, кожаный, от самокатчика немецкого, — все девки твои будут.

Я покосился на его костюм, подумав, не явился ли именно этот критерий основным при выборе цвета сукна, но затем все же усомнился: Пал Демьяныч на лове- ласа никак не тянул, да и от колера такого дамы скорее разбегутся.

— И чего мне, кататься взад-вперед? — уточнил я. — Что за работа-то?

— У нас служба, а не работа, — поправил меня Березаев. — А вообще, в мобильную группу. И посыльным, и разведкой, и вообще на всякий случай. Хорошая служба.

— Ну... как скажете, я согласный.

— Ну и хорошо, раз согласный, тогда помолчи пять минут, пока все отношения заполню.

Справился он минут за десять, а не за пять, как обещал, заполнив несколько отпечатанных бланков, в каких и предложил расписаться. Расписываться пришлось деревянной ручкой с пером, макая ее в двойную чернильницу, похожую на те, что раньше на почтах стояли, в

результате одна подпись расплылась, а на вторую я посадил кляксу, и пришлось подписываться второй раз. Но справился.

— Ага, молодец — можешь, когда хочешь, — прокомментировал мои усилия Березаев.

Дальше все пошло удивительно быстро. Сначала он сообщил мне, что я обязан сфотографироваться на документы, затем отправил меня в бухгалтерию, всучив пачку бумаг, где мне пришлось посидеть минут десять, пока меня вносили в какие-то ведомости и после чего я получил на руки нечто интересное — «Расчетную книжку» с отрывными страницами вроде чеков, на каждой из которых стоял синий штамп, обозначающий номинал чека, и чья-то небрежная подпись. Правда, была еще и хитрая перфорация, которую просто так не сделаешь.

— И что, не подделают? — удивился я такой простоте местного расчетного средства.

— Да кто подделает? — спросила толстая девушка с усами и кудрявыми черными волосами, сидевшая за столом напротив. — У нас тут в городе семнадцать тысяч населения, зарплата на счету организации, все предъявленные к оплате чеки мы проверяем. Или попадетсЯ, или дело того не стоит. Пока проблем не было.

— Ага, хорошо, — кивнул я, убирая книжку в карман джинсов.

— Идите в вещевую службу, там ждут.

В отличие от бухгалтерии, сидевшей на втором этаже, вещевого склад размещался в подвале. Заведовала им тетка слоновьей комплекции, затянувшая свой необъятный бюст в гимнастерку самого последнего размера. Несмотря на суровый вид, меня приняла доброжелательно, сразу восхитившись моим имеющимся гардеробом.

— Повезло тебе! — объявила она. — А я сюда в ночной сорочке и босиком — хорошо, что лето было.

— Это как?

— В уборной лампочка перегорела, — пояснила она, начиная заполнять на меня вещевой аттестат. — Получаешь пока летнее обмундирование и... ага, спецодежду. Танкошлем, плащ кожаный... ох ты... а надо посмотреть, остались еще или нет... Плащи раздает направо и налево, это где их напасешься на всех... так, ага... ну это есть, это не проблема.

Почему-то я такой тираде на пункте «плащ кожаный дефицитный» не удивился ни разу. Не знаю почему, но вот такое предчувствие у меня сложилось сразу же, как Березаев про него упомянул. Понятия «вещевой склад» и «безвозмездная выдача кожаного плаща» никак в моей вселенной не могли ужиться вместе.

С остальным проблем не возникло. Даже сапоги дали померить сразу несколько пар, причем вполне добротные, юфтевые, не кирзачи. Предупредив, правда, что если их изорву до окончания срока носки, то потом уже кирза достанется. Гимнастерку выдали хэбэшную, сдавленную по сгибам так, что о складки порезаться можно было, словно ее с помощью пресса упаковывали. Выдали непривычно не слишком широкие галифе, отмотали портянок. Затем мне досталась уже знакомая кепка-фуражка без всяких кокард и эмблем, которую я мысленно перекрестил в «фураньку», классический советский вещмешок с завязкой, памятный еще по собственной службе, мотоциклетные перчатки с крагами, добротностью натолкнувшие на мысль, что это трофей, а вот про плащ тетка забыла. А я взял да и напомнил.

После напоминания она суетливо повздыхала, удалилась на свой склад, где долго хлопала дверцами каких-то шкафов и что-то недовольно бормотала, затем вынесла мне куртку. Добротную такую брезентовую куртку с воротником из искусственного меха на манер тех, что у нас офицеры-танкисты раньше носили. Только у них была синяя, а тут защитного цвета, и воротник серый, как ушанка.

— Вот держи, английская, — пояснила она. — Для танкистов. А плащей нет, это Пал Демьяныч че-та попутал. И вот шлемы есть, все как в аттестате, — добавила она, выкладывая ребристый матерчатый танковый шлем темно-серого цвета. — Белья не выдаем — мало, на базаре сам покупай. Да оно там и лучше.

За плащ я решил не воевать: куртка мне тоже понравилась. А то, что с одеждой проблемы будут, я уже усвоил, так что любому запасу был рад. Разве что насчет зимнего поинтересовался, на что получил ответ:

— Рано еще, через пару недель выдавать начну.

Потом со склада вещевого отправился в оружейный, который так и назывался тут, а вовсе не склад РАВ, — чтобы узнать, что оружие на меня запишут, но выдадут после того, как на меня будут оформлены все документы и как я сдам норматив по стрельбе.

— А иначе хрен тебе, — емко сказал из-за решетки немолодой мрачный дядька с черными усами, командовавший складом. — Будешь учиться сперва.

— А где сдавать?

— На стрельбище. Это здесь, но уже темно, завтра отстреляешься. И сборку-разборку сдавать тоже будешь. Так что наставления учи, я тебе их тоже выдам. Стой здесь.

— Стою.

Дядька направился в склад, откуда и вынес нечто меня удивившее. Я ожидал такого же ППШ, как у Федьки-Теодора, или СКС, как у солдат, но мужик выложил на столешницу недлинную винтовку с торчащим вперед стволом без пламегасителя и с не слишком широким магазином, который он присоединил прямо у меня на глазах.

— Карабин ЭМ1, американский, — прокомментировал он. — Никто их не хочет, но ты, как новичок, получишь. Все равно ничего другого нет.

— А чего не хотят?

— Патрон слабоват для карабина, СКС его как бог черепаху кроет, — пояснил мужик. — А ППШ очередями шьет. Но ты не бойсь, на самом деле нормальный ка-

рабин — очень легкий, прямо игрушка, стреляет метко. И кстати, тут СКС таким как раз с него сделали, приказом наркома вооружений. В концептуальном смысле. Тоже магазин на двадцать, отъемный, тоже самозаряд. По проекту СКС на десять патронов был, из обоймы, а как по ленд-лизу от американов эти карабины пошли, так приказали переработать.

— А вы чего, местный?

Это я, задумавшись, сморозил глупость. Но мужик не удивился — видать, на статус новичка поправку сделал — и сказал:

— Тут местных нет, мы сюда с приятелем пять лет назад попали, когда проводку в гараже чинили. А вот бумага выше головы осталось, почитал приказы.

— Ага, понял...

— Револьвер еще получи, — добавил он, выкладывая на стол наган.

— Это ленд-лиз? — удивился я.

— Нет, но других нет. Сейчас нет, — пояснил он, когда заметил мой взгляд, направленный на его кобуру.

Вне всяких сомнений, там покоился «колыг 1911», рукоятку ни с чем другим не перепутаешь.

— Девять миллиметров...

Тут я поразился малость.

— Шесть патронов...

Удивление окрепло.

— Гильза с дульцем...

Я понимающе кивнул.

— Барабан, понятное дело, неоткидной, — подвел он итог описательной части.

— Ага.

Ну наган как наган, разве что в калибре миллиметров больше, в барабане патронов меньше, ну и вид чуток отличается. В рукоятке что-то, долы... да и все, пожалуй, а так вполне обычный наган.

— Кобура — дерьмо, или переделывай, или на рынке купи, умельцы уже делают, — добавил мужик. — Ленд-

лизовские хорошие, особенно если крышку на ремешок заменить, но под наган они никак.

— Понял, — кивнул я, затем спросил: — А с патронами чего?

— А на хрена они тебе сейчас? Я же все равно ствола тебе не выдам. Гуляй так покуда. Один просто не шляйся по темноте и к людям держись поближе. Заодно слушай побольше, чтобы не схарчил кто или не вселился. И все будет как надо, не менжуйся. Противогаз можешь взять. Хочешь — носи, а хочешь — сумку от него пользуй, он тебе по должности положен.

— Ага, спасибо, — засмеялся я, принимая дар в зеленой брезентовой сумке.

К Березаеву попал уже после окончания рабочего дня — он специально меня дожидался. Сидел в полутьме, разгоняемой керосинкой, попыхивал трубкой, задымив кабинет так, что я чуть не закашлялся. Какой-то ядреный у него табак: как кислотой по обонянию.

— Закончил? — спросил он у меня, начиная убирать бумаги со стола.

— Ага, вроде всех обошел, — ответил я, демонстрируя тюк с одеждой.

— Ну и молодец. Тогда держи направление в общежитие. Улица Засулич, дом четырнадцать, в бывшем здании музыкальной школы.

Приняв от него серую бумажку с кривовато отпечатанным текстом, я уточнил:

— А добраться как туда? Я пока ориентируюсь так себе, то есть вовсе никак.

— Пешком не надо уже — темнеет, — указал он черенком трубки на окно. — Так успеешь до заката в принципе, но если заплутаешь... На «пепелаце» езжай.

— На чем?

— Автобус, развозит сотрудников... — Он глянул на часы. — Через двадцать одну минуту пойдет, как раз по двум адресам, ну и ты с попутчиками. А там сразу к коменданту с направлением, понял?

— А он еще работает? — спросил я, тоже посмотрев на часы, но уже с сомнением.

— Не работает — так дежурный за него. У нас везде дежурные — жизнь такая.

На сем наша беседа и закончилась. Пристроив тюк с одеждой на подоконник в вестибюле, я стоял у серьезно зарешеченного окна возле компании из нескольких молодых мужиков, немилосердно куривших, и глядел на улицу через запотевающее стекло. Попутно отметил, что мужики сплошь вооруженные — кто с кобурой, а кто и с чем побольше. У кого ППШ, к виду которых мне никак не получалось привыкнуть, а у кого американские карабины вроде того, что мне только что почти выдали.

Болтали они о чем-то веселом, много смеялись, запуганными или прибитыми жизнью не выглядели, и я решил, что если бред у меня не закончится, то я здесь тоже как-нибудь проживу. Пока дороги назад не найду.

— О, «пепелац»! — сказал один из мужиков, и вся компания потянулась к выходу.

Ну и я за ними, подхватив вещмешок и узел.

«Пепелацем» оказался довольно дряхлого вида трехосный грузовик «ЗИС», гроыхающий и одновременно с тем чихающий двигателем, у которого вместо обычного бортового кузова стояло что-то вроде автобусного салона. Дверь со скрежетом распахнулась, сидевший за рулем мужик в замасленном комбинезоне крикнул:

— Можно садиться. Говори, кому куда.

Остановок оказалось всего две, как Березаев и обещал: «Жилой городок» и «Общага». Водила покивал и, когда все уселись на жесткие дощатые лавки с такими же жесткими спинками, тронул свой «пепелац» с места. Тот заныл натужно, завонял выхлопными, но достаточно бодро покатыл по улицам.

— Новенький? — спросил меня усевшийся рядом со мной парень, высокий, худой, но плечистый и жилистый.

— Ага, сегодня провалился.

— Не повезло, — усмехнулся он. — А я уже четвертый год здесь. Откуда сам?

— Из Москвы, если ты про город.

— Про город, — подтвердил он. — Со слоями реальности тут разбираться бесполезно, с ними все очень сложно. Как сюда?

— В сарае закрыло.

— А я у любовницы в доме в шкафу от мужа спрятался, прям как в анекдоте, — усмехнулся тот. — Как представлю Лидкину морду, после того как мужика своего спровадила, а я куда-то исчез, так до сих пор смех разбирает.

— В портках хоть был? — засмеялся и я.

— Ага, в мужниных. Я их с перепугу в руки с вешалки схватил. А кроме порток ничего и не было. И выкинуло среди зимы.

— И как ты? — удивился я.

— А меня прямо в городе выкинуло — в пустом доме возле самого периметра, аккуратно напротив КПП. Повезло. Паша меня зовут, Павел в смысле.

— Володя.

— Будем знакомы, — пожал он мне руку. — В общагу, как понимаю?

— Ага.

— Значит, у нас работать будешь. В фонарщики определили, естественно?

— В фонарщики. Только объяснить забыли, что делать надо.

— А тут и объяснять нечего, — засмеялся он. — Ездишь по графику по пустым домам и те места, куда свет не попадает, фонарем освещаешь. Ну и отбиваешься от того, что там успело завестись.

Я лишь вздохнул, потом прокомментировал его объяснение:

— Мне бы еще просветиться насчет того, что там обычно заводится.

— Да тварь всякая, — отмахнулся он. — Бывает с крысу, бывает с собаку, бывает и с медведя. Еще нетелесная бывает — та и вселиться может. Причем всегда через глаза, так что без очков никак нельзя. Вот это все и надо истреблять. Заодно травку темную, но она от света сама пеплом распадается, а бывает, еще и по вызовам гоняем. На манер пожарных.

— Ага, понял. А потери в личном составе как?

— Ну как тебе сказать... — задумался он. — Зимой больше, Тьма крепнет, летом меньше. Бывает, что просто не везет — две мобильные группы за последнее время здорово подвыбило, а бывает, что несколько месяцев никакой убыли в личном составе.

— А вот эта вся разведка, комендачи и прочие — они к таким делам никак? — задал я уже давно крутившийся на языке вопрос.

— Помогают, бывает, но у них и других дел хватает. Разведка вне города действует, у комендачей периметр, патрулирование и с людьми война.

— С людьми? — опешил я. — А чего это? Заняться больше нечем?

— А ты как думал, тут все ангелами становятся? — иронично спросил он. — Тут и конфликты интересов, и за ресурсы война, и вообще какая-то непонятная движуха пошла, говорят, последнюю пару лет. Вроде как даже секты завелись, живут не пойми где и вроде даже Тьмы не боятся. Не трогает она их вроде как.

— В глаза светят из-за них?

— И из-за них тоже, — подтвердил Паша. — И у одержимых глаза чернеют, правда, у всех по-разному. Но это увидишь — как пойдет инструктаж, так все на картинках тебе покажут.

— А чего хотят секты-то?

— А хрен его знает. Хотят чего-то, но нам о том не рассказывают. Ну ты сам прикинь, тут же мир такой, как и там, по ту сторону. Тут и Америка где-то есть, и Герма-

ния, и Китай с Антарктидой. И всюду проваливаются. Как тут проблемам не быть?

— Это точно?

— Точно, разведка-то катается, до других областей добирается. А те, в свою очередь, еще до других. Так и расходится информация.

«Пепелац» подскочил на колдобине так, что народ чуть со скамеек не послетал. Послышались веселые матюги и всякие пожелания водителю. У меня тюк улетел под переднее сиденье, пришлось доставать.

— Паш, ты вот что скажи: в общаге этой самой поесть можно или как? — побеспокоился я. — А то с утра не жрамши, в желудке волки воют.

— В буфете. Хоть пожрать, а хоть и выпить.

— В общаге выпить? — удивился я, вспомнив студенческую молодость.

— А что? По вечерам шляться не очень принято, вот и разрешают. А не разрешали бы, так по комнатам бухали бы, какие проблемы? Свинья грязи, а человек водки всегда найдет.

— Но пожрать точно можно?

— Точно, — уверенно ответил Паша. — Разносолов не обещаю, но бутерброды найдутся или пирожки какие, ну и чай там, молоко или чего покрепче. Ага, первая остановка.

«Пепелац» медленно и тяжело затормозил, дверь открылась прямо напротив ярко освещенной, уже электрическим светом, проходной. Где-то в отдалении тарахтел движок, и я сразу вспомнил предложение Федора. А генераторы ведь точно здесь нужны.

Несколько человек, поднявшись со своих мест, пошли к выходу, быстро выбираясь из салона машины в освещенный круг. За окном совсем уже стемнело.

— Тут семейные живут, у них вроде как квартирки, — пояснил Паша. — А мы, холостые, по-спартански.

— Общага мужская? — полюбопытствовал я.

— Ага, мужская, женская в соседнем корпусе. Но тут запретов нет, разве что Нурик, комендант, от такой рас-

пущенности душевно страдает. Он у нас другого воспитания. Все в инстанции пишет, чтобы, значит, проход девкам запретить. Даже сам пытался, но по репе схлопотал от населения — задний ход дал.

— А зачем ему?

— Завидно, наверное, — пожал Паша плечами и добавил: — Или просто пускать за деньги хочет. Он у нас такой, сообразительный.

Машина вновь тронулась с места, подсадив попутно двоих молодых парней.

— Кстати, мне бы бритву еще купить надо и там щетку зубную... — вдруг вспомнил я.

— Это без проблем, прямо в буфете торгуют, — сказал Паша, после чего добавил: — Ну вот, три минуты — и мы на месте.

Так и оказалось. Ровно через три минуты машина въехала в открытые ворота, ведущие в типичный школьный двор, сейчас довольно ярко освещенный до самого крыльца с балюстрадой. Три этажа, примитивные барельефы со всякой музыкальной символикой, надпись под крышей, заметная даже сейчас: «1-я городская музыкальная школа имени Второго Коминтерна». Я попытался вспомнить, когда был Коминтерн первый, и не вспомнил.

— Все, выходим, — поднялся Паша, подталкивая меня к выходу.

На улице было по-прежнему холодно, промозгло, поэтому все сразу резко почесали к дверям, втягивая голову в плечи, хотя в салоне «пепелаца» жарко тоже не было, отапливать его никто не планировал.

Я взбежал по выщербленным ступенькам, толкнулся в стальную тяжелую дверь, пытавшуюся вернуться на свое место на пружине, и словно в своей школе оказался, в которой учился до десятого класса. Вестибюль, колонны, за ними коридор, правда отделенный серьезной решеткой от вестибюля. По бокам у нас раздевалки были, а здесь такая только с одной стороны. С другой — привычная

уже клетка-дежурка, рядом с ней дверь с табличкой: «Комендант комплекса Оразбердыев Нурберды Овесдурдыевич».

— О как, — только и сказал я, восхищенный, прочитав табличку.

Слышавший звук дежурный, сидящий над кроссвордом, негромко хмыкнул.

— На месте комендант? — спросил я его.

— Ага, пока на месте. Заходи.

Постучавшись, ждать ответа не стал, а толкнул дверь, попутно вытаскивая из кармана предписание на заселение.

— Товарищ Оразбердыев?

Среднего роста, коротконогий, сухощавый мужик с длинным смуглым лицом и черными короткими волосами обернулся ко мне от шкафа, в котором что-то искал, и спросил:

— Чего хотите?

— Пожить типа, — доложил я, протягивая бумагу.

Тот кивнул, взял ее, прищурившись, поднес к свету. Я попутно разглядел его повнимательней. На ногах сапоги хромовые, с глаженными голенищами, синие комсоставовские бриджи, дорогая и наглаженная до хруста коверкотовая гимнастерка без погон. Подворотничок на фоне темной шеи пугает белизной. Есть подозрение, что большую часть своего времени комендант уходу за собой посвящает. И форму любит — генералом себя в ней чувствует. И одеколоном от него несет немилосердно.

— Ага, фонарщик, — удовлетворенно заключил он, складывая бумагу. — Оружие получил?

— Нет пока.

— Как дадут, сразу дневальным заступишь, — объявил он мне радостно.

— Чего это?

— Дневальный все ходят — положено, — объяснил он. — Только без оружия такой дневальный как овца — кушай его кто хочет.

— Понял, Нурберды Овец...

Тут я растерялся и почувствовал желание повторно взглянуть на табличку. У меня уже и фамилия коменданта из головы успела выветриться, не то что невыразимое отчество.

— Э, Нуриком зови, не старый, да, — сказал он, небрежно, но вполне величественно махнув рукой. — Овец не зови, баран не зови. Ты какого года?

— Шестьдесят пятого.

— Вот, ровесники. Я шестьдесят восьмого даже, но тут уже три года, — блеснул он знаниями математики. — Сам откуда?

— Москва.

— Я из Ашхабад. В Москву командировка приехал, бритоголовые погнались. Я от них в темный подъезд спрятался, они за мной. Там дверь в подвал. Спрятался там, а потом прямо сюда вышел. Теперь комендант, — погордился он напоследок.

— Повезло, — позавидовал я.

— Что — повезло? Везет баран, когда не его на шашлык пускают, а другого. А меня за заслуги назначили, сам глава администрация приказал.

— Ух ты... — только и сказал я, тщательно изображая зависть.

— Ладно, третий этаж тебя заселю, вторая комната, второй пенал.

— Чего — второй?

— Комната.

— А после комнаты?

— Пенал, — пояснил комендант Нурик с интонацией, с какой с детьми говорят. — Ты что думал, тут гостиница такой? Горничный-морничный завтрак носит? Школа был, классы большие, их поделили. По три живут, но вас пока два будет, один сосед твой погиб недавно. Тоже фонарщик был. Ключи держи, пошли в каптерка, я тебе белье дам. На неделя, аккуратнo надо, понял? Тут как армия.

Как в армии и было. И одеяло шерстяное с тремя полосами, и плоская подушка, и два вафельных полотенца, и даже тапочки «ни шагу назад» с номером на них, нанесенным по трафарету. Со всем этим барахлом поднялся по лестнице, прислушиваясь к звукам и запахам вечернего общежития: откуда-то явно тянуло жареным мясом, вызвав очередной приступ слюноотделения. Ладно, если буфет открыт, то недолго терпеть осталось, аванс мне выдали...

В коридоре третьего этажа столкнулся с каким-то голым по пояс парнем, на бегу вытиравшим мокрые волосы и поздоровавшимся со мной, хоть и не были знакомы, затем нашел нужную комнату. Быстро нашел, потому что она от лестницы как раз второй по счету и была. Обратил внимание на женский смех из-за следующей двери, вошел внутрь.

Сразу вспомнился старый фильм «12 стульев», еще с актерами Филипповым и Гомиашвили. Там тоже была такая вот квартира, где большой-большой зал был поделен на деревянные клетушки. Здесь, правда, перегородки были до самого потолка, и даже општукатуренными, но все же ассоциации вызвали.

Достал из кармана ключ, но, услышав за дверью возню, просто повернул ручку. Вошел и сразу же поздоровался с Федором, сидящим с книгой на кровати.

— О! Вова! — обрадовался он мне. — Сюда подсе-
лили?

— Вроде того, — подтвердил я, вываливая на пустую металлическую кровать свои вещи.

Выбрал из двух пустых ту, что стояла ближе к окну. Койки были разделены ширмами вроде медицинских, для вящей приватности, но если кто храпит, то всем хана — звуку они не препятствуют. Окно, возле которого стояла койка, кстати, было заметно меньше того, которое в свое время украшало фасад музыкальной школы имени Второго Коминтерна. Его тщательно заложили кирпичом эдак на три четверти, оставив вместо было-

го огромного вполне скромное, да еще и с решеткой по типу тюремной.

— Федь, буфет открыт, не в курсе? — сразу перешел я к главному.

— Открыт, куда он денется, до полуночи работает. Голодный?

— А ты как думал? Как на том свете чашечку кофе в себя залил с утра с печеньицем, так и все.

— Ну так в чем проблема, пошли, — сказал он, резко откладывая книгу и поднимаясь с кровати. — Я и сам не против чайку. Можно и покрепче за знакомство, но я перед дежурством ни-ни, а завтра на смену. Вот после — это с моей великой и полной готовностью, куда там юным пионерам.

— Ну сегодня я и сам не готов, наверное, — не очень уверенно сказал я. — И мне тоже завтра в Горсвет с утра пораньше, да еще и сфотографироваться можно.

— А чего, сто грамм фотографию засветят? — гыгыкнул он.

— Сто не засветят, но у меня друг был фотографом, как раз на документы снимал, — принялся объяснять я. — И вот мы с ним поддали плотно прямо в ателье у него, здорово так, после работы, а тут я вспомнил, что шел к нему за фото на служебный паспорт — меня в загранкомандировку отправляли, впервые в жизни.

— И чего? — заинтересовался он.

— Ну вот и снял в дрова пьяный фотограф в дымину пьяного клиента. Сразу отпечатали, утром сдал куда надо снимки.

— И?

— И потом ни один паспортный контроль по этому документу нормально пройти не мог. Все в отказ сразу шли: не ты, мол, и все, езжай откуда приехал. Хоть волком вой. И под смех трудящихся вынужден был каждый раз убеждать, что это я, просто напился до синевы. И даже рожу похожую корчить.

Федя поржал. А я между делом кровать заправил, вспомнив еще армейские навыки. Ничего так, навсегда, похоже, вколотили. Затем мой взгляд упал на балалайку, висящую над Фединой кроватью. Не удержался, спросил:

— Умеешь?

— А то! — гордо сказал Федя, потянувшись к инструменту.

— Где взял?

— Да тут и нашел в подвале. Музучилище же бывшее.

Струны бренькнули у него под пальцами, и он ловко и быстро заиграл частушечный мотивчик, напевая:

Эх раз, еще раз, «фендер стратакастер»,
Я и песни петь могу, и...ся мастер!
Девки, в кучу! Х... нашел!
Вы...тесь, я пошел!

Все это завершилось кратким, но удивительно залихватским соло на струнных, равно как сопровождалось лихим притопыванием тапочками в пол.

— Ну ты и Хендрикс! — восхитился я дарованием.

— А то! Дамы млеют, — легко согласился Федя, поворачиваясь и вешая балалайку на подобающее почетное место.

— Оно и понятно: настоящий талант никакие матюги не испортят.

— Хочешь научу? — поинтересовался он.

— Ага, спиши слова. Слушай, я бы еще в душ сходил, — сказал я, тормознувшись и подумав про то, что лучше сперва ножки-то помыть, прежде чем в одних тапочках идти в место, где люди едят. Не зря же в резиновых сапогах марш совершил.

— Ну давай до конца коридора, там увидишь, — легко согласился он, заваливаясь обратно на кровать и хватаясь за книжку. — Я подожду.

Утром разбудил всех громкий школьный звонок, который, как заранее предупредил Федя, был тут вместо гудка заводского. Кому надо, тот по нему вставал, а кому

не надо, засыпал обратным порядком. Такое желание было и у меня, потому что проспаться удалось всего часа два. Нет, в буфете я не хулиганил и пил чай с сочными, и страшноватого вида опасную бритву купил, и щетку, и коробку зубного порошка, затем изучал, даже наизусть учил наставление по американскому карабину, но вот потом, как задули керосинки и улеглись, тут-то и началось. Как навалилось осознание того, что я и вправду провалился черт-те куда и что там бегают заполошно почти жена, вызывающая, наверное, милицию. Те задают вопросы, осматривают место, где стоял сарайчик с генератором.

А партнеры? Если меня месяц на работе не будет, то можно уже не возвращаться. Не то чтобы они люди плохие — просто соблазнов очень много, а человек по природе своей слаб. Трудно удержаться от того, чтобы не оприходовать жирный и, по всем приметам, бесхозный кусок...

Мысли неслись в голове как десятки шаров для боулинга, спущенных под откос, тяжело сталкиваясь и разлетаясь в стороны под самыми неожиданными углами, в закрытых глазах мельтешила череда образов один причудливей другого: там были и черные глаза с вертикальными зрачками, неожиданно появившиеся у моего партнера по бизнесу Димы Семиряхина, и зловещая тьма, окутавшая сортир в моем доме, куда я боялся подойти, хотя очень надо было, и какие-то черные птицы вроде гигантских ворон, летающие над головой и выкрикивающие невнятные угрозы. Сон ли был это, или грезил я наяву — точно не скажу, но спать это мешало чертовски. И когда я все же сумел заснуть, чутко и беспокойно, чертов звонок мотопилой резанул прямо по сведенному судорогой мозгу.

— Ох, ё... — протянул я, поднимаясь и по привычке шаря возле кровати в поисках бутылки минеральной и не находя ее, естественно.

У меня из-за сильно перебитого носа была привычка дышать ртом во сне, отчего утро глушило сушняком. Но сегодня я озаботиться не сумел — не нашел подходящей емкости под воду.

Федя же вскочил легко, натянул бриджи и, сунув ноги в тапочки, вышел в коридор, размахивая полотенцем и напевая:

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся Советская земля!

— Ага, мне бы тоже проснуться, — прохрипел я, мотая головой и пытаясь вырваться из-под навалившегося, как пыльная перина, сна.

Кое-как удалось, тоже поплелся умываться, почему-то в мыслях сбившись на «Марш авиаторов» — видать, Федей и антуражем навеяло.

Потом пришлось вспомнить, как мотать портянки. Приодеться в обновки решил, оставив на себе лишь старый свитер. Нечего из рядов выделяться, да и пригодятся мне еще, чувствую, мои резиновые сапоги. Тут таких, кажется, большой дефицит, поберегу.

Английская танковая куртка вызвала у Федеи шквал расспросов. Узнав, что меня назначают на мотоцикл, он и вовсе обзавидовался.

— Везет тебе, Вовка! А я все в атаке охреневаю. А водила наш сидит курит, пока мы с фонарями по развалинам лазим. А сколько за баранку просился.

— Так мне сказали, что мотоциклы пустые, ездить некому! — удивился я.

— Не, мотоциклов че-то боюсь, — признался он. — Мне бы на машину.

Надев пояс с кобурой, причем весьма продвинутого вида — самоделка, видать, — он извлек оттуда легко узнаваемый ТТ, выкинул магазин из рукоятки, оглядел, заглянул в патронник, после чего зарядил оружие, поставив

его на предохранитель. Какая-то деталь словно по глазам резанула — очередная мелкая неправильность.

— Федь, что не так с твоим стволом?

— В смысле? — не понял он.

— Чем от нормального отличается?

— Ну ты спросил! — удивился он. — Откуда я знаю, как там у вас было?

— А откуда ты «фендер стратакастер» знаешь? — требовательно спросил я. — Из моего слоя песенка.

— Да здесь от кого-то слышал, — оправдался он. — А «Стены древнего Кремля» у нас тоже пели.

— А ствол?

— Да сам глянь, только не пальни случайно: патрон в патроннике.

Разницу долго искать не пришлось. Рукоятка отличалась формой — больше заваленная назад, так что пистолет было держать удобней, — и патроны оказались совсем другими: девять миллиметров, с довольно длинной гильзой, вполне тэтэшной. И вес у ствола солидный, от нашего ТТ отличный вроде. Серьезный агрегат. Еще предохранитель сбоку, как на американском кольге, заходящий в выемку затвора, — тоже непривычно.

— Ты гля... — удивился я. — И как?

— Шьет любую тварь насквозь, — ответил Федя.

— А пэпэша твой под такой же патрон?

— Ага, под такой.

То-то магазин в его автомате не такой изогнутый, как в том ППШ, что в нашей реальности в пользовании был. Заодно я обратил внимание, что назвал оружие «автоматом», как было принято у нас во время войны, и как тут, похоже, его именуют. Да я и не против, у меня от сочетания «пистолет-пулемет» язык в трубочку заворачивается.

Народ внизу толпился у «пепелаца», так и оставшегося на ночь во дворе, но мне Федя предложил пойти пешком.

— Тебе же фотографироваться? По пути ателье. Срочную съемку закажешь, в обед карточки заберешь. К вечеру документ выпишут.

— Ага, нормально, — обрадовался я. — Пошли тогда.

Дождя сегодня не было, но стало еще холодней. Сырость висела в воздухе, озноб забирался под одежду, заставляя радоваться приобретенной куртке и сохранившемуся свитеру. «Фураньку» я, кстати, тоже натянул на голову, а танковый шлем нес под мышкой, полагая, что меня наверняка сегодня захотят посадить на мотоцикл. А раз уж нормальных шлемов здесь нет, то хоть такой защитит, случись наворачнуться. А случится наворачнуться обязательно, потому что любой мотоциклист знает — невозможно кататься и не падать, рано или поздно ты со своего стального коня полетишь.

Мы шли по улице не одни: много народу спешило в разных направлениях, все по своим делам. Хватало и машин, на которые я глядел с настоящим восхищением — прямо музей на свободу вырвался и здесь катается. Видел и «Виллис», и «Бантам», и наш «ГАЗ-67», и «Додж», и знаменитый «Студебекер» пронесся мимо нас, разбрызгивая лужи колесами. Протарахтел мимо трофейный серый «Кюбельваген», пронеслись два советских мотоцикла М-72, в каждом по водителю и бойцу с пулеметом в коляске. Много было полуторок, которые тут, похоже, были за основное развозное средство, вроде «газели» у нас, некоторых машин я просто не знал. Может, их не было в моей реальности, а может, просто не видел — я специалист в них невеликий, знаю только то, что любил в хронике и в кино показывать.

Хватало тентованных грузовиков, которые везли, судя по одежде, рабочих. Уточнил у Феди, тот подтвердил:

— Ага. На перегонный, на угольный разрез, на электростанцию, на металлургический. Там всех всегда с доставкой и охраной, чтобы не вышло чего дорогой.

— А чего так?

— А за периметром почти все. Дорога тоже под охраной, в общем, но все же бывают инциденты. Но с работягами — никогда, их от КПП под охраной брони повезут еще.

Я продолжал глазеть, и вскоре меня особенно восхитила высокоосная и явно полноприводная машина, эдакая смесь представительской и внедорожника, с запаской на водительской дверце и запасными канистрами на бортах. Не удержался, спросил у Федора.

— «Додж» пятьдесят третий, который «карри олл», «вези все». Это, кстати, начальник Горсвета проехал — наш босс, так сказать.

Действительно, помимо водителя внутри можно было разглядеть мордатого мужика в фуражке и серой шинели. Прямо генерала на фронт повезли.

— Симпатичный экипаж, — прокомментировал я.

— Ага, — согласился Федя и добавил: — Но мне для моих дел «блиц» куда лучше. Кстати, когда за генератором поедем? Это же золотое дно, у тебя его с руками оторвут.

— А когда лучше?

— Ну... послезавтра? Если тебя на сутки не поставят, ты все равно выходной, и я сменюсь. Оружие-то не выдали?

— Пока нет.

— За периметр без него не надо. Нельзя даже. Купить можно, но в продаже ничего такого особого нет, «болты» одни. «Мосинки» и немецкие маузеры, и ничего больше обычно. Да и дорого. И все равно документы нужны.

— Кстати, Федь, народу со стволами много, до стрельбы дело не доходит в городе? Друг в друга в смысле.

— Доходит. Но очень редко.

— А чего так?

По моим прикидкам, где народ нервный, а при такой жизни под Тьмой им точно станешь, до пальбы должно доходить легко и — главное — часто.

— У нас за это расстрел, если первый начал и кого-то подранил хотя бы, — усмехнулся Федя. — Если просто не

по делу, от избытка чувств пострелял — в потолок, например, лихость показать или спьяну, — то на общественно-полезные работы. А общественно-полезные у нас конкретно стремные.

— Это какие?

— Дома разбирать за периметром. Не, фонарщики там профилактику постоянно делают, но не везде успевают. Так что могут быть проблемы. И бывают регулярно. Больше года не дают — считают, что за год точно соображать научишься. Кстати, тебе ствол пока не выдали?

— Спрашивал уже. Обещали выдать, если какой-то там экзамен сдам и документы будут готовы.

— Экзамен несложный, а документы... ну вон ателье, уже пришли.

Фотоателье словно в кино или воспоминания детства меня окунуло. Тогда тоже были такие большие деревянные фотоаппараты на треногах, и фотограф с головой накрывался черной тканью, а тебе надо было чинно глядеть в объектив. Пахло химикатами, запах которых ни с чем не спутаешь, я в свое время увлекался фотографией сам, пытаясь щелкать «Сменой» все подряд, честно проявляя пленки и печатая, а потом сваливая получившиеся скручивающиеся фотографии в коробки из-под обуви. Скручивались они потому, что у меня не было глянцевателя — еще одного страшно необходимого прибора.

На стенах ателье висели фотографии с незнакомыми людьми, в углу стояла даже пальма в кадке, заметно пожелтевшая с одной стороны. Фотограф тоже был словно из кино — немолодой усатый дядька в жилете с кармашками и мятых брюках.

— На документы? — с ходу спросил он, едва глянув на нас.

— Так точно, — подтвердил я.

— И срочно, чтобы в обед забрать? — уточнил он.

— Именно так.

— Два рубля тогда с вас, авансом.

С расчетной книжкой я был пока знаком плохо, поэтому пришлось искать, где там пропечатаны «рублевые» листочки. Фотограф терпеливо дожидался, кивнул, когда я нашел нужное и аккуратно вырвал по перфорации, затем пригласил садиться. Я почему-то ждал, что он помянет вылетающую птичку, но все случилось молча и быстро. Он со скрипом посовал свою треногу по полу, затем раздался громкий и какой-то деревянный щелчок, затем он вынырнул из-под своего покрывала и взялся выписывать квитанцию.

В Горсвете, когда я уже отмечался на проходной, дежурный, заглянув в какие-то записи, сказал мне:

— Иди на второй этаж, в ПБУ, там представишься и доложишься.

— Понял.

Федя лишь сказал:

— В четвертую группу просись! — и побежал куда-то по коридору.

А я пошел куда сказали. На лестнице было даже тесновато, народ валил на службу. За дверью с надписью «ПБУ» оказалось человек пять, все в военной форме, но без знаков различия, так что я растерялся: кому тут представляться?

— Новый? — спросил один мужик лет пятидесяти — худой, носатый, с залысинами на темных волосах над высоким покатым лбом.

— Так точно! Представляюсь по случаю прибытия, но не знаю...

— Антонов, — протянул он мне руку. — На «Харлея»?

— Вроде бы, — осторожно кивнул я.

— Жди момент, — сказал он и отошел к столику, на котором стоял полевой телефон. Покрутил ручку, затем сказал кому-то: — Инночка, Антонов, дай зампотеха. — Затем после паузы заговорил с кем-то еще: — Антонов здесь. Петрович, мотоциклиста тебе посылаю, дай команду с матчастью знакомить, ну и пусть покажет, что умеет. Ага, ага... давай. Давай. Лады. Все.

Обернувшись ко мне, сказал:

— Тебя в штат на должность мотоциклиста-разведчика зачислят, если матчасть знаешь и на оружие норматив сдашь. Придадут второго номера, пулеметчика. А пока по коридору до конца, там по переходу в соседний дом. Спускаешься на первый этаж, находишь дежурного по парку, зовут Василь Ивановичем, как Чапаева. С ним и говори, он в курсе. Понял?

— Так точно.

— Давай.

На этом разговор закончился. Антонов подошел к висящей на стене огромной карте, утыканной разноцветными флажками.

— Сергей Альбертович, — обратился к нему крепкий мужик с волосами ежиком, затянутый в кожаную куртку, — получается, что одной мотомангруппы тут мало будет, надо сразу две посылать. А тогда не успеваем во второй сектор...

Дослушивать я не стал: вскоре все эти «неуспевания в сектор» свалятся и на меня в том числе, и тогда уж я точно все пойму, что тут происходит.

Натертый мастикой, старый, разболтанный паркет звонко стучал под каблуками, из открытых дверей кабинетов доносились голоса, было слышно через окна, как на улице прогревались моторы и чей-то истеричный голос кричал: «Опять на ночь воду не слил, а? Да я тебя под трибунал! А если заморозки? Машина встанет, тебя в телегу запрягу — и будешь за грузовик здесь работать!»

Коридор превратился в крытый переход, в котором почему-то оказалось неожиданно холодно, затем переход стал лестницей, ведущей вниз. Спустившись по ней, оказался в огромном кирпичном ангаре, в котором на смотровых ямах стояло несколько машин. Классический ведомственный гараж тех времен, когда машины гонять на ремонт в сервис принято не было, справлялись везде своими силами.

Остановив какого-то малорослого и невероятно чумазого парня, спросил у него:

— Василь Ивановича где найти смогу?

— Вон там, за «Бюсингом», — махнул чумазый рукой в сторону большого грузовика, стоящего на подпорках вместо колес. — В кондейке чаи гоняет.

— Понял, спасибо.

Пошел куда сказали, обходя машины и прочие препятствия, но кондейку, тесную, с большим окном, выходящим в гараж, нашел пустой — лишь на столе на растеленной газете стояла исходящая паром кружка чаю, а рядом с нею лежал бутерброд с колбасой. Судя по всему, обитатель кондейки куда-то вышел, может, даже по уважительной причине. Поэтому суетиться не стал, а так и решил подождать в дверях, привалившись к косяку, наблюдая за суетой во дворе, который хорошо просматривался через открытую калитку в больших воротах. Там какой-то большой самосвал, с горой груженный углем, завывая двигателем, сдавал задом. В общем, работа уже кипела.

Ждал недолго — минуты три. В калитку почти что забежал невысокий пожилой дядька, бородатый, хоть и лысый, в колушке без рукавов, надетом поверх грубого свитера. С ходу протянул мне руку, спросив:

— Бирюков? На мотоцикл?

— Так точно.

— Тогда чего время тянуть, пошли сразу, — решительно сказал Василь Иванович, разворачиваясь и направляясь обратно на выход.

Я потопал за ним, оказавшись во дворе, уставленном разнообразными машинами, часть из которых была на ходу, а вторая явно нуждалась в ремонте. Привлек внимание ряд машин, здорово смахивающих на «ГАЗ-51», но с эмблемой «Шевроле». У некоторых в кузове стояли зачехленные пулеметы на треногах.

— Говорят, вас от ленд-лиза снабжают?

— И трофеями тоже, «кюбели» вон стоят, — он указал рукой в дальний конец двора, где в рядок стояли три серых «кюбельвагена». — С нашими машинами проблем побольше, тут американцы во главе всего. А у нас работа знаешь какая — чиниться через сто верст некогда. А вообще, тут автопарк, — пояснил мой провожатый. — Броня — с обратной стороны, нам туда.

— Бронетехника? — удивился я. — А мотоциклы при чем? Они у вас бронированные, что ли?

— Темнота! — сказал как припечатал Василь Иванович. — Историю учить надо: мотоциклы всегда были в составе танковых частей. И подчинялись управлению бронетанковой техники. У нас по крайней мере. И в Отстойнике тоже.

— А как у нас — я без понятия, — соскочил я с темы. — Может, и не так.

По пути он заглянул в какой-то склад, откуда вышел с десятилитровой канистрой и воронкой, сразу сунув все это мне.

Калитка в заборе, дежурный с ППШ, с виду бдительный, но ничего не проверяющий, за забором еще двор открылся, засыпанный гравием. По обе стороны вытянулись кирпичные боксы явно недавней постройки, некоторые из них были открыты. В крайнем стояла загадочная машина, напоминающая стальной зеленый ящик на узких гусеницах, из которого бивнем торчал вперед ствол пулемета, а внутри самого ящика стоял еще один — ДШК на треноге.

— Это что, Василь Иваныч?

— Английский легкий тягач, — ответил тот. — «Карриер» называется, второй модели. Хорошая штука, и лезет везде, и тащит что хочешь, и личный состав возит. Как хочешь, так ее и пользуй. Правда, они у нас нечасто на выезде — и траки бережем, и ресурс, и дороги в городе. Это если только где прорыв. Если гусеничную по городу начнешь без нужды гонять, глава администрации